This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

GT 2880 T5

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Tiander, K. F

К. Ѳ. ТІАНДЕРЪ.

КУЛЬТОВОЕ ПЬЯНСТВО

и

ДРЕВНѢЙШІЙ АЛКОГОЛЬНЫЙ НАПИТОКЪ

ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

KE

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1908 годъ.

GT 2880
T5

I.

Относительно распространенныхъ въ настоящее время алкогольныхъ напитковъ можно съ увѣренностью сказать, что они сравнительно недавняго происхожденія, а между тѣмъ состояніе опьянѣнія извѣстно всѣмъ некультурнымъ племенамъ, и это знакомство съ алкоголемъ началось отнюдь не послѣ столкновенія ихъ съ европейцами, а восходитъ къ какому-то общему явленію первобытнаго человѣчества. Невольно возникаетъ вопросъ объ открытіи алкоголя, теоретическій взглядъ на который еще былъ предметомъ споровъ Либиха съ Пастеромъ. Въ чемъ же состояло это практическое начало, тысячелѣтіями опередившее научную теорію?

Сильно опьяняющіе напитки, какъ водка, коньякъ и ликеры, должно считать самыми новыми открытіями, такъ какъ большой процентъ содержимости алкоголя достигается только путемъ перегонки глюкозы, при чемъ спиртъ отдѣляется отъ флегмы. Но химическій пріемъ перегонки сталъ употребляться только со временъ алхимиковъ, а некультурнымъ народамъ онъ вовсе не былъ извѣстенъ. Поэтому можно вполнѣ согласиться со Шрадеромъ [1]), относящимъ появленіе водки къ XV столѣтію.

Древнѣе добываніе опьяняющаго напитка изъ винограднаго сока. Литературныя данныя указываютъ на то, что виноградарство было занесено изъ Азіи въ Европу. Этотъ вопросъ затрагивается уже въ Книгѣ Бытія, и съ ея легкой руки потомъ позднѣйшее еврейское преданіе говорило о переселеніи Ноя на западъ, въ частности въ Италію. Въ связи съ этимъ еще въ XVI столѣтіи ставили еврейское происхожденіе итальянскаго языка [2]). Съ другой стороны въ греческомъ

---

[1]) *Schrader*, Sprachvergleichung und Urgeschichte, 3 изд., 1907 г., т. II, стр. 252.

[2]) *Grünbaum*, Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde, 1893 г., стр. 87—9.

культѣ Діониса устанавливается двойственность: во-первыхъ, онъ богъ весны, стремящійся къ освобожденію отъ оковъ зимы и въ концѣ концовъ прорывающійся на волю, какъ это подтверждается многими миѳами, Διόνυσος ἐλεύθερος и λύσιος, покровитель растительности вообще— δενδρίτης, олицетвореніе плодородія въ образѣ быка—ταυρόμορφος; во-вторыхъ, онъ спеціальный богъ вина, самъ въ разныхъ мѣстахъ садящій виноградную лозу или ударомъ своего тирса вызывающій вино изъ почвы и изъ скалъ; его сопровождаютъ вѣчно пьяные менады и силены, всюду, гдѣ онъ является, царитъ оргія — τύρβη и χόρδαξ. Не трудно въ этихъ двухъ слояхъ отличить наносный элементъ: общеземледѣльческій богъ весны получилъ новый оттѣнокъ, когда виноградарство изъ Азіи распространилось по греческимъ островамъ, а затѣмъ и по остальной Элладѣ. Зарожденіе новаго типа Діониса наблюдается въ Малой Азіи, гдѣ его культъ слился съ фригійско-лидійскимъ культомъ Кибелы, о связи съ которымъ свидѣтельствуютъ малоазійскіе звѣри—пантеры и леопарды, встрѣчаемые въ свитѣ Діониса. Этотъ лидійскій Діонисъ проникаетъ также въ Персію вплоть до Индіи, въ Аравію и въ Сирію, такъ что Преллеръ находитъ возможнымъ сравнить его тріумфальное шествіе съ походами Александра Македонскаго [1]).

Въ вопросѣ о началѣ виноградарства лингвистика насъ покидаетъ на полпути: семитское wain и армянское voino, очевидно, тотъ же корень, какъ и въ греческомъ ϝοῖνος, который проходитъ по всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ, но мы не въ состояніи рѣшить, имѣется ли тутъ заимствованіе или общее родство [2]). Тѣмъ не менѣе Генъ [3]) считаетъ первичной родиной виноградного вина Кавказъ, гдѣ изобрѣтателями его являются семиты. Благодаря семитскимъ, въ частности финикійскимъ колоніямъ вино и виноградарство потомъ распространяется по прибрежнымъ странамъ Средиземнаго моря, а отсюда по Франціи и Германіи. Послѣ нашествія арабовъ, которые согласно завѣтамъ корана враждебно смотрѣли на пьянство вообще, бывшее нѣкогда въ большомъ цвѣту виноградарство въ Сиріи и Палестинѣ пришло въ упадокъ. Что касается новыхъ завоеваній виноградарства, то они весьма незначительны: Мадера и Канарскіе острова принадлежатъ собственно еще къ Средиземному морю, въ Америкѣ вино-

---

[1]) *Preller*, Griechische Mythologie, 2 изд., 1860 г., I т., стр. 519—563.

[2]) *Schrader*, op. cit., II т., стр. 254—6.

[3]) *Hehn*, Kulturpflanzen und Hausthiere, 2 изд., 1874 г., стр. 67—8.

градъ почти нигдѣ не привился, а на южномъ полушаріи климатъ одной Капской колоніи оказался благопріятнымъ для винограда. Итакъ, мы видимъ, что виноградарство ограничивается очень небольшимъ культурнымъ раіономъ [1]).

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ виноградарство пустило глубокіе корни, оно вытѣснило болѣе древній напитокъ. Египтяне съ незапамятныхъ временъ готовили себѣ одурманивающій напитокъ изъ ячменя, называемый ξύθος = zythum. Эѳіопы, кромѣ ячменя, пользовались еще просомъ. У доарійскихъ жителей Испаніи тотъ же напитокъ назывался caelia или cerea [2]), у ѳракійцевъ — βρῦτον. Даже армяне, жившіе чуть ли не на родинѣ винограднаго вина, лакомились „ячменнымъ виномъ"=οἶνος κρίθινος. Ксенофонтъ разсказываетъ, что ячменныя зерна еще наполняли сосудъ до края, такъ что пили черезъ соломинку. У кельтовъ подобный же первоначальный напитокъ упоминается подъ названіемъ κόρμα. Въ виду сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что общепринятымъ напиткомъ по всей Европѣ до занесенія сюда винограднаго вина былъ продуктъ, приготовляемый посредствомъ броженія изъ ячменя, проса или хлѣба.

Большинство названій этого напитка еще не удалось объяснить, но самый распространенный корень указываетъ на признакъ броженія. Βρῦτον, встрѣчаемое на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, кельтское brace и славянское „брага" несомнѣнно родственно съ древненѣмецкимъ briuwan и brôt, древнесѣвернымъ brugga (современное brauen resp. brygga), албанскимъ brum = кислое тѣсто и латинскимъ fermentum = дрожжи. Судя по этому названію, conditio sine qua non даннаго напитка считалось броженіе, въ то время, какъ матеріалу придавалось второстепенное значеніе: если обыкновенно брали ячмень, то это указываетъ лишь на распространеніе ячменной культуры [3]).

Этотъ напитокъ является прототипомъ нашего пива, для полученія котораго ему недостаетъ одного хмеля. Еще до примѣненія хмеля прибавляли ради аромата и вкуса разные растительные продукты: неразгаданное пока κόνυα, сосновые ростки, дубовую кору, багунъ (ledum palustre), тысячелиственникъ (Achillea millefolium) и горькіе корни. Съ XVI вѣка всюду вводится примѣненіе хмеля, вѣроятно,

---

[1]) *Hehn*, op. cit., стр. 82—3.

[2]) *Cerea*, можетъ быть, латинское осмысленіе подъ вліяніемъ ceres.

[3]) *Schrader*, op. cit., стр. 254; Hehn, op. cit., стр. 123—135.

въ виду потребности перевозить и сохранять пиво болѣе продолжительное время. Къ этому времени также относится начало торговли пивомъ [1]).

Всѣ опьяняющіе напитки, которые можно было бы считать древнѣе пива, никогда не имѣли столь широкаго распространенія, чтобы можно было думать о признаніи ихъ древнѣйшимъ алкогольнымъ напиткомъ человѣчества. Правда, Генъ [2]) называетъ медъ первоначальнымъ напиткомъ = Urgetränk индоевропейцевъ, и Пиѳей, принесшій намъ первую вѣсть о сѣверной Европѣ, говоритъ о ячменномъ напиткѣ съ медомъ: σῖτος καὶ μέλι γίγνεται καὶ τὸ πόμα ἐντεῦθεν ἔχειν, но если бы медъ былъ общечеловѣческимъ напиткомъ, это предполагало бы такое повсемѣстное распространеніе пчеловодства, котораго никогда и не было. Кобылье молоко, которымъ напивались скиѳы, тоже сравнительно поздній напитокъ, такъ какъ культура кухонныхъ отбросовъ и свайныхъ построекъ не знаетъ лошади, какъ домашняго животнаго.

Итакъ, древнѣйшій одурманивающій напитокъ приготовлялся изъ растительнаго продукта, при чемъ выборъ самаго продукта подвергался измѣненіямъ: въ культурное время колебались въ Европѣ между ячменемъ, просомъ и хлѣбомъ, внѣ Европы между рисомъ, маисомъ, пальмовыми листьями и проч., въ докультурное время, думаю, допускалось любое, находившееся подъ рукой растеніе, лишь бы оно было не противнаго вкуса и не вредное по опыту. Человѣкъ очень рано открылъ тайну приготовленія алкоголя, которая кроется не въ выборѣ того или другого продукта, а въ процессѣ броженія. Такъ какъ алкоголь образуется при броженіи сахаристыхъ веществъ, то достаточно осахарить при помощи какого-нибудь діастаза крахмалъ, содержимый въ растеніяхъ, и дать ему время придти въ броженіе, чтобы получить опьяняющій напитокъ. Все это такъ просто, какъ $2 \times 2 = 4$, — для современнаго химика, но какъ на эту махинацію набрелъ первобытный человѣкъ, ничего не слыхавшій о крахмалѣ и діастазѣ и никогда не продѣлавшій ни одного опыта? Для выясненія тѣхъ условій, при которыхъ было сдѣлано это открытіе, необходимо перенестись къ тому времени, когда культура только еще зарождалась.

Но раньше позволю себѣ указать на два періода въ исторіи алкогольныхъ напитковъ: сперва человѣкъ относился къ нимъ съ благоговѣніемъ, вводя ихъ употребленіе въ религіозные культы, считая пьяное состояніе боговдохновленнымъ экстазомъ и приписывая делири-

---

[1]) *Hehn*, ibid., стр. 410 сл.
[2]) Ibid., стр. 134.

ческимъ рѣчамъ значеніе пророчествъ; потомъ, вѣроятно, на зарѣ исторіи: пьянство утрачиваетъ свой специфическій, культовой характеръ, напиваются не только въ праздники, но когда попало, хоть бы ежедневно, напиваются не одни жрецы, но главнымъ образомъ, люди, начинавшіе презирать старинныхъ боговъ и народные культы. Тогда же впервые стало сказываться отрицательное отношеніе къ пьянству, которое въ наше время уже приняло форму систематической борьбы съ пьянствомъ. Въ этомъ духѣ образовались ветхозавѣтныя легенды, въ родѣ, напримѣръ, той, которая ставила виноградную лозу въ связь съ древомъ познанія. На одной миніатюрѣ 1542 г. Адамъ и Ева изображены стоящими около запрещеннаго дерева, отъ котораго въ ту и другую сторону спустились виноградныя гроздья, тогда какъ змѣй обвилъ его стволъ. Такъ какъ среди богомиловъ принято было думать, что „вино и жена отъ діавола еста", то легко было дойти до отожествленія этихъ двухъ золъ: райское дерево, говорили, росло въ три ствола, часть Господня осталась въ раю, Адамова пала въ рѣку Тигръ, часть Евы вынесли изъ рая воды потопа, — это и есть виноградная лоза. Другія легенды разсказываютъ о томъ, какъ дьяволъ садилъ виноградную лозу и какъ онъ научилъ жену Ноя спаивать мужа. Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о Василіи Великомъ и Богородицѣ пьянство является смертнымъ грѣхомъ. Отсюда, вѣроятно, такія простонародныя повѣрья, что пьяницамъ уготована мука вѣчная, на опойцахъ черти возятъ воду и дрова, заманиваютъ ихъ въ болота. Къ разряду этихъ воззрѣній относятся и популярныя въ русской литературѣ „Повѣсть о высокоумномъ хмелѣ" и „Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, и какъ Горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ" [1]. Но уже въ той формѣ, въ которой Книга Бытія сохранила намъ миѳъ о Ноѣ, сказывается отрицательный взглядъ на вино. Въ древней Греціи, въ Спартѣ, заботились о внушеніи юношамъ отвращенія къ пьянству. А между тѣмъ, въ греческомъ культѣ и миѳѣ еще чувствуются отголоски перваго періода, когда пьянство считалось религіознымъ экстазомъ. Такъ Діонисъ считался первымъ покровителемъ дельфійскаго оракула, онъ же καθάρσιος = очищающій, μελπόμενος — богъ поэтическаго вдохновенія. Извѣстно также сказаніе о томъ, какъ Силенъ, когда Мидасъ споилъ его виномъ, открылъ царю тайны природы и будущность [2].

---

[1]) Статья А. Н. Веселовскаго въ Russische Revue 1878 г.; Исторія русской литературы Галахова т. I, стр. 465—482.

[2]) *Preller*, op. cit., т. I, стр. 558 и 575.

Нецивилизованные народы не перешли еще во второй намѣченный нами періодъ, когда съ ними впервые знакомились европейскіе путешественники и, не замѣчая у нихъ повседневнаго пьянства, какъ это водится въ цивилизованныхъ странахъ, думали, что туземцы вовсе незнакомы съ алкогольнымъ напиткомъ. Въ такую же ошибку впалъ бы путешественникъ, рѣшившій, что австралійцы не ведутъ войнъ, на томъ основаніи, что они не пріобрѣли еще пушекъ Круппа. Напрасно думаетъ европеецъ, что онъ принципіальнымъ образомъ измѣнилъ условія жизни. Въ этихъ вопросахъ—пьянствѣ и войнѣ—несомнѣнно нѣтъ. Я убѣжденъ, что всѣ народы земли еще до столкновенія съ европейской цивилизаціей изобрѣли свой мѣстный алкогольный напитокъ, но черезъ европейцевъ они въ большинствѣ случаевъ подверглись систематическому спаиванію. Вотъ почему нѣкоторые путешественники пишутъ, что нецивилизованные народы не знаютъ алкоголя.

Укажу на нѣсколько примѣровъ культоваго пьянства.

Буряты три раза въ годъ справляютъ особый праздникъ жертвоприношеній—тайлганъ; изъ нихъ праздникъ наступленія весны самый большой праздникъ. Собравшись на гору, сооружаютъ жертвенникъ и вблизи его ставятъ посудины съ кислымъ молокомъ и тарасуномъ — хмельнымъ напиткомъ изъ молока. Ни одно дѣйствіе празднества не обходится безъ тарасуна; послѣ того, какъ шаманъ освятилъ его, жертвенныя животныя обливаются имъ; затѣмъ гадаютъ, бросая вверхъ чашки съ тарасуномъ,—чашка, упавшая вверхъ дномъ, значитъ несчастье, наоборотъ счастье; побѣдитель въ конскихъ скачкахъ выливаетъ немного тарасуна на гриву своего коня. Наконецъ, начинается общій пиръ, на которомъ напиваются допьяна, поютъ, кричатъ по волчьи и пр.

Эти празднества съ несущественными измѣненіями происходятъ на всемъ пространствѣ шаманской религіи, при чемъ молитвенный характеръ пира сказывается въ различныхъ подробностяхъ. Шаманы пьютъ первыми, потомъ только чаша обходитъ всѣхъ гостей. Якуты обращаются къ солнцу, когда пьютъ. На пиршество не допускаются женщины и люди съ замаранною честью. При посвященіи въ шаманы, кандидата обильно поливаютъ тарасуномъ, и насколько тѣсно связана религія съ пьянствомъ, явствуетъ изъ названія жреца, такъ какъ шаманъ (самань) означаетъ человѣка взволнованнаго, изступленнаго, скачущаго [1]).

---

[1]) *Шашковъ*, Шаманство въ Сибири, стр. 79 сл.

Окончивъ земледѣльческія работы, чуваши свершаютъ праздникъ чукленія хлѣба. Если бы кто-нибудь сталъ употреблять новый хлѣбъ и новое пиво, не совершивъ предварительно чукленія, онъ счелъ бы себя великимъ грѣшникомъ. Всѣ приготовленныя яства ставятся на большой столъ, посреди котораго горделиво красуется весьма почтенной величины кадка съ пивомъ, приготовленнымъ изъ новаго солода и хмеля. Всѣ присутствующіе обращаются къ нарочно растворяемой на этотъ случай двери и открытому волоковому окну. Старшій въ семействѣ читаетъ благодарственную за урожай хлѣба молитву, потомъ, трижды осѣнивъ избу хлѣбомъ, разрѣзываетъ его на кусочки и предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ. Каждый обязанъ взять кусочекъ, одну половину его съѣсть, а другую бросить на печь. По примѣру старшаго всѣ черпаютъ изъ кадки пиво и съ ковшами въ рукахъ опять обращаются на востокъ съ тѣми же благодареніями и молитвами. Потомъ каждый, отливъ немного пива въ кадку изъ ковша, выпиваетъ остальное. Затѣмъ начинается шумная попойка, пѣсни, пляски, — и пиръ идетъ горой.

Но въ старину иначе совершалось чукленіе съ участіемъ языческаго жреца—іомси. Съ вышеописанными обрядами іомся читалъ молитвы надъ хлѣбомъ и вообще надъ снѣдями Сюльди Торѣ (Верховному Богу). Но какъ скоро доходило дѣло до молитвъ надъ пивомъ, то боговъ являлось множество. Іомся провозглашалъ благодарственныя молитвы богу верховному, матери боговъ, богу—творцу міра, богу—творцу душъ, богу солнца, богинѣ солнца, богу мѣсяца, богу, открывающемуся въ видѣніяхъ пророческихъ, богу—раздавателю счастливыхъ жребіевъ, богинѣ—раздавательницѣ счастливыхъ жребіевъ, богу грома и молніи, богу изобилія, богинѣ земли, богу благодѣяній, богу вѣтра, богинѣ вѣтра, богу водяному, лѣсному, домовому, богу домашняго скота, богу дорогъ и пр. Потомъ іомся обращался съ молитвами къ разнымъ кереметямъ, какъ-то: большой, средней, малой, серебряной, злой и пр. По возглашеніи молитвы каждому богу и каждой керемети, іомся и всѣ присутствующіе кланялись, приговаривая: сирлагъ анбрагъ (помилуй и не оставь или спаси), а потомъ съ восклицаніемъ: смелле [1]) пили по ковшу пива. Чуваши пили въ твердой, непоколебимой увѣренности, что это пьютъ не они, но сами боги и керемети. Еще не дѣлая поклона богу, они поднимали свои ковши съ пивомъ, какъ будто подчуя кого либо, и говорили шопотомъ: она коргга ба-

[1]) Можетъ быть, сокращенное арабское: бисмилляхъ = во имя Аллаха!

расъ (ему надо дать ковшъ пива).—Перебравши всѣхъ боговъ, богинь и всѣ керемети, чуваши въ заключеніе обращались къ иконѣ, прилѣпивши къ ней восковую свѣчу; всѣ присутствующіе, сотворивъ крестное знаменіе, кланялись иконѣ и іомся провозглашалъ: вырысъ Тора! сирлагъ анбрагъ (русскій Богъ! спаси и помилуй), Тора Амыжъ! сирлагъ анбрагъ (Божія Матерь! спаси и помилуй), Пилюхси Тора! сирлагъ анбрагъ (Божій Ангелъ! спаси и помилуй), Тора Никола! сирлагъ анбрагъ (Богъ Николай! спаси и помилуй). За каждымъ возгласомъ слѣдовало новое пивопитіе. Къ концу церемоніи многіе изъ чувашъ уже едва держались на ногахъ. „Повторяю, это были гнусныя оргіи, въ которыхъ религіозныя дѣйствія и обряды смѣшивались съ отвратительнымъ пьянствомъ“ [1]).

У языческихъ славянъ религіозные обряды тоже сопровождались пиршествами. Стоитъ только указать на чешскую „радованку“, на русскую „радуницу“. Въ Бѣлой Руси еще теперь ѣдятъ и пьютъ на могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ. При нѣкоторыхъ святилищахъ были особыя храмины, въ которыхъ пировали болѣе знатные люди. Такое назначеніе имѣли три комнаты, находившіяся при Штеттинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ кругомъ стояли сѣдалища и скамьи, а во время пира изъ храма брались чаши и рога для питья. Что эти пиры имѣли строго религіозный характеръ, видно изъ того, что на нихъ поминали боговъ, пили заздравные кубки (здравицы) о помощи боговъ, о будущемъ счастіи народа [2]). „У славянъ удивительное заблужденіе, разсказываетъ Гельмольдъ въ своей Славянской хроникѣ: на пиршествахъ и попойкахъ у нихъ по рукамъ ходитъ кубокъ, надъ которымъ они произносятъ не благожелательныя, а напротивъ, проклинательныя слова по адресу боговъ, какъ добраго такъ и злого, высказывая надежду, что добрый богъ будетъ руководить ихъ хорошими дѣлами, а злой богъ ихъ злыми“ [3]).

У Саксона сохранилось подробное описаніе такого древне-славянскаго празднества на островѣ Рюгенѣ у кумира Святовита. Этотъ ре-

---

[1]) *Обоевъ*, Чуваши, 1865 г., стр. 47—53.

[2]) *Срезневскій*, Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, 1846 г., стр. 96 сл.

[3]) Est autem Slavorum mirabilis error: nam in conviviis et compotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt, non dicam consecrationis sed exsecrationis verba, sub nomine deorum, boni scilicet atque mali, omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo dirigi profitentes.—Helmoldi Chronica Slavorum, Lib. I, cap. LII.

лигіозный пиръ справлялся каждый годъ послѣ жатвы всѣми жителями острова. „Когда народъ соберется у вратъ храма, священникъ у кумира беретъ кубокъ и смотритъ, убавилось ли въ немъ напитка или нѣтъ; если убавилось, то онъ предсказываетъ неурожай на будущій годъ. Въ виду этого онъ совѣтуетъ беречь собранный хлѣбъ и на будущій годъ. Если же напитокъ противъ обыкновеннаго количества не сократился, то онъ предсказываетъ плодородіе и на будущее время. Въ зависимости отъ такого предзнаменованія онъ совѣтовалъ быть въ употребленіи хлѣба то скупѣе, то щедрѣе. Затѣмъ онъ выливалъ старый напитокъ къ ногамъ кумира въ видѣ жертвоприношенія и снова наполнялъ пустой кубокъ, дѣлая видъ, что пьетъ за здоровье кумира, и произнося торжественныя обѣщанія, проситъ о дарованіи себѣ и отечеству счастья, а народу богатства и побѣдъ. Подъ конецъ онъ въ одинъ духъ съ особенной быстротой осушаетъ кубокъ и, наполнивъ его вновь, кладетъ въ правую руку кумира. Въ святилищѣ приносятъ также пирогъ изъ сладкаго тѣста, круглый и такой большой, что равняется человѣческому росту. Поставивъ этотъ пирогъ посрединѣ между собой и народомъ, священникъ спрашиваетъ, всѣ ли видятъ пирогъ? Въ отвѣтъ на то, что видятъ, онъ высказываетъ желаніе, чтобы въ концѣ года ничего не осталось. Этимъ жертвоприношеніемъ онъ способствовалъ не своему счастью или счастью народа, но будущей жатвѣ. Привѣтствуя народъ отъ имени кумира, онъ увѣщевалъ его усерднѣе приносить жертвы въ честь его и въ награду за такое богомольство обѣщалъ побѣду на сушѣ и на морѣ. По совершеніи этихъ обрядовъ, остатокъ дня проводятъ въ роскошнѣйшемъ пиршествѣ, превращая жертвенный пиръ въ простую попойку и чревоугодіе, думая, что посвященныя кумиру жертвы должны служить ихъ невоздержности. Считалось богоугоднымъ напиваться пьянымъ на этомъ пиршествѣ, оставаться же трезвымъ возбранялось“ [1]).

---

[1]) Postero die, populo prae foribus excunbate, detractum simulacro poculum curiosius speculatus, si quid ex inditi liquoris mensura subtractum fuisset, ad sequentis anni inopiam pertinere putabat. Quo annotato, praesentes fruges in posterum tempus asservari jubebat. Si nihil ex consvetae foecunditatis habitu deminutum vidisset, ventura agrorum ubertatis tempora praedicabat. Juxta quod auspicium instantis anni copiis nunc parcius nunc profusius utendum monebat. Veteri deinde mero ad pedes simulacri libamenti nomine defuso, vacuefactum poculum recenti imbuit; simulatoque propinandi officio statuam veneratus, tum sibi, tum patriae bona civibusque opum ac victoriarum incrementa solennium verborum nuncupatione poscebat. Qua finita admotum ori poculum nimia bibendi celeritate continuo hausu siccavit, repletumque mero simulacri dexterae restituit. Placenta quoque mulso confecta, ro-

Для германскаго племени древнесѣверная литература даетъ обильный матеріалъ для характеристики культового пьянства. Различіе его отъ обыкновенныхъ пировъ ярко сказывается въ эпизодѣ изъ царствованія Олафа Святого, который рьяно боролся за искорененіе языческихъ обрядовъ. Когда Олафъ былъ занятъ крещеніемъ Галогаланда (а крестилъ онъ огнемъ и мечомъ и грозилъ смертной казнью и конфискаціей имущества [1]) нежелавшимъ принять христіанство), ему принесли вѣсть, что въ Трондгеймѣ ко времени зимняго равноденствія бонды устроили многолюдное пиршество съ зѣло великимъ пьянствомъ. Тамъ по древнему обычаю пили всѣ памятные кубки, посвященные богамъ асамъ [2]). Кромѣ того, тутъ же убивали скотъ и лошадей, подставка кумира окроплялась кровью, совершались жертвы и произносились заклинанія, чтобы настали лучшія времена. Всѣмъ казалось естественнымъ, что жрецъ устроилъ все это, потому что галогаландцы перешли въ христіанство. Тотчасъ же Олафъ требуетъ объясненія отъ бондовъ, которые отправляютъ къ нему краснорѣчиваго и смѣлаго [3]) Эльвира. Онъ-то и увѣряетъ короля, что никакого празднества=veizlur не было, но была товарищеская бесѣда=gildi и круговое пиршество = hvirfingsdrykkjur, а у нѣкоторыхъ простое угощеніе гостей= vinabod [4]).

Любопытно, что до сихъ поръ сохранились всѣ три разновидности пьянства, о которомъ говорится въ приведенномъ разсказѣ: во-первыхъ, частное, дружеское; во-вторыхъ, коллегіально-сословное, которое отразилось въ средневѣковыхъ гильдіяхъ и въ современныхъ студенческихъ комментахъ; и въ-третьихъ, нѣмецкіе Kirchmessen =

---

tundae formae, granditatis vero tantae, ut pene hominis staturam aequaret, sacrificio admovebatur. Quam sacerdos sibi ac populo mediam interponens, an a Rugianis cerneretur, percontari solebat. Quibus illam a se videri respondentibus, ne post annum ab iis cerni posset optabat. Quo precationis more non suum aut populi fatum, sed futura messis incrementa poscebat. Consequenter sub simulacri nomine praesentem turbam consalutabat, eamquae diutius ad hujus numinis venerationem sedulo sacrificii ritu peragendam hortatus, certissimum cultus praemium terra marique victoriam promittebat. His ita peractis, reliquum diei plenis luxuriae epulis exigentes, ipsas sacrificii dapes in usum convivii et gulae nutrimenta vertere, consecratas numini victimas intemperantiae suae servire cogentes. In quo epulo sobrietatem violare pium aestimatum est, servare nefas habitum.—Saxonis Grammatici Historia Danica Lib. XIV, ed. Müller стр. 824—5.

[1]) Lagđi viđ lif og limar eđa aleigusök.

[2]) Minni öll signuđ Asum.

[3]) Málsnjallr ok máldjarfr.

[4]) *Heimskringla*, Saga Olafs hins helga, глава 113.

Kirmssen, восходящіе къ языческимъ культовымъ празднествамъ. Объ этомъ переходѣ языческихъ праздниковъ въ христіанскіе свидѣтельствуетъ разсказъ о Сигурдѣ, братѣ Торира Собаки. Пока онъ былъ язычникомъ, онъ совершалъ жертвоприношенія три раза въ годъ: къ зимнему равноденствію, къ срединѣ зимы и лѣтомъ; когда же онъ принялъ христіанство, то онъ относительно пиршествъ придерживался принятаго обычая: осенью, къ іолу (Рождеству?) и Пасхѣ онъ приглашалъ къ себѣ много гостей на пиршество. Не только онъ самъ въ теченіе всей своей жизни, но и его сынъ Асбьернъ устраивалъ три пира ежегодно. Когда наступаетъ неурожай и всѣ запасы уже истощены, жена его Сигрида предлагаетъ сократить число пировъ или упразднить ихъ, но Асбьернъ упорствуетъ, хотя ему приходится покупать рожь на югѣ Норвегіи. Когда Олафъ запрещаетъ вывозить на сѣверъ хлѣбъ, солодъ и муку, Асбьернъ все-таки пытается раздобыть эти продукты и снаряжаетъ большой корабль въ путь-дорогу. По этому поводу и начинаются тѣ осложненія, о которыхъ мнѣ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ [1]).

Даже въ подробностяхъ христіанство пріурочилось къ язычеству. Памятные кубки = minnisfull, minnishorn, minnisöl, minnisveigar перешли въ Krists minne, Michaels minne, Martins minne, Johannis minne и пр. Сохранился любопытный разсказъ о переходномъ времени, когда еще христіанскіе обычаи переплетались съ языческими. Когда въ бою палъ Гаральдъ, король Даніи, сынъ Горма, то наслѣдникъ его Свейнъ устроилъ въ честь его пиршество, на которое пригласилъ и Іомсвикинговъ. Въ первый же день, раньше чѣмъ садиться на почетное мѣсто своего отца, Свейнъ выпилъ за его память и далъ обѣтъ до истеченія трехлѣтняго срока напасть на Англію и убить короля Адальрада или изгнать его изъ страны. Этотъ кубокъ пили всѣ участники пиршества. Потомъ всѣ пили памятный кубокъ въ честь Христа. Третій кубокъ посвящался Михаилу. Потомъ ярлъ Сигвальди выпилъ за память своего отца и далъ обѣтъ до истеченія трехлѣтняго срока напасть на Норвегію и убить ярла Гакона или изгнать его изъ страны. Торкелль Высокій, братъ Сигвальди, далъ обѣтъ послѣдовать за своимъ братомъ въ Норвегію и не уйти изъ битвы, пока сражается Сигвальди. Тотъ же обѣтъ даютъ и Буи Гордый и Сигурдъ, братъ его. Вагнъ, сынъ Аки, даетъ обѣтъ сопрово-

---

[1]) *Heimskringla*, ibid., глава 123; мое изслѣдованіе: Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое море, стр. 404 сл.

ждать ихъ и не возвратиться на родину, раньше чѣмъ убьетъ Торкелля Глина и раздѣлитъ ложе съ его дочерью Ингибьоргой безъ согласія родныхъ. И еще многіе другіе давали обѣты различнаго содержанія [1]). Тотъ же самый обычай обѣщать различные подвиги подъ вліяніемъ винныхъ паровъ отразился и въ старофранцузскомъ эпосѣ, гдѣ самъ императоръ и его паладины хвастаются = se mettent à gaber, и когда король Гугонъ требуетъ, чтобы каждый исполнилъ свое обѣщаніе=gab, только ангелъ съ неба выручаетъ изъ бѣды [2]). Похвальба встрѣчается и въ нашихъ былинахъ на пиру у Владиміра послѣ обычнаго запѣва:

Во славномъ, во городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владиміра
Было пированьице сопочестенъ пиръ
На всѣхъ князей, на всѣхъ бояровъ,
На всѣхъ могучіихъ богатырей.
И всѣ на пиру порасхвастались,
Умный то хвастаетъ добрымъ конемъ,
А разумный то хвастаетъ отчемъ-матерью,
А безумный то похвалнется молодой женой да неудачливой.

Кромѣ торжественныхъ обѣтовъ еще другіе, особые порядки указывали на то, что пиры входили какъ составная часть въ религіозный ритуалъ. Такъ не всегда допускалось присутствіе на нихъ женщинъ. Пить, когда и сколько угодно, разрѣшалось только вечеромъ, днемъ же питье происходило по строгимъ правиламъ: то рогъ обходилъ все собраніе = sveitardrykkja, то нужно было осушить чашу въ одинъ духъ=drekka einmenningr, или же выпивали чашу попарно = drekka til hálfs; изъ послѣдняго обычая развилась излюбленная забава скандинавовъ пить въ запуски = Kappdrykkja. Кто нарушалъ правила, подвергался наказанію: долженъ былъ сѣсть на полъ и выпить лишнія, карательныя чаши [3]).

Въ Финляндіи до настоящаго времени сохранились явные слѣды культового пьянства. Къ Рождеству крестьянинъ варитъ темное пѣнящееся пиво=julölet и въ теченіе всего праздника деревянный сосудъ = kippon не сходитъ со стола; кто бы ни входилъ, знакомый или чужой, прежде всего угощается этимъ пивомъ. То же домашнее пиво готовятъ и къ первому мая = vallborgmäss. Тогда пьютъ это

---

[1]) *Heimskringla*, Saga Olafs Tryggvasonar, глава 39.

[2]) *Paris*, Histoire poétique de Charlemagne, 1905 г., стр. 343.

[3]) *Weinhold*, Altnordisches Leben, 1856 г., стр. 455 сл.

пиво и ѣдятъ яйца. Народъ приписываетъ такому угощенію особенно благотворную силу и называетъ это—drikk mjärg i bäinen=наполнять кости мозгомъ [1]).

Но еще большій матеріалъ по вопросу о культовомъ пьянствѣ даютъ наблюденія надъ народами, стоящими вдали отъ европейской культуры. Ихъ я коснусь въ своемъ мѣстѣ, теперь же не могу не упомянуть о томъ важномъ обрядѣ христіанской церкви, который также относится къ кругу этихъ явленій. Въ празднествѣ Свантовита фигурируетъ алкогольный напитокъ и пирогъ; чуваши дѣлятъ между собой хлѣбъ и затѣмъ пьютъ пиво; на столѣ инки древняго Перу къ религіозному празднеству появляется особое печенье и алкогольное питье, такъ что уже при первомъ знакомствѣ испанцы въ этомъ обычаѣ замѣтили сходство съ христіанствомъ [2]). Пока мы остановимся только на одномъ обстоятельствѣ, которое имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашему вопросу, на алкогольномъ напиткѣ. Церковь и многія секты, горячо ратуя противъ безпринципнаго пьянства, нисколько не задумываются, преподнося прихожанину алкогольный напитокъ въ самомъ храмѣ изъ рукъ священника. Мало того, церковь особенно настаиваетъ на алкогольномъ винѣ, запрещая для евхаристіи соки изъ различныхъ овощей и ягодъ, какъ-то: яблочный, грушевый, вишневый, терновый, малиновый и др. [3]). Это одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ компромиссовъ христіанской морали.

II.

Для выясненія условій открытія алкоголя, я исхожу изъ того предположенія, что человѣкъ первоначально былъ вегетаріанцемъ.

Вегетаріанство первобытнаго человѣка вытекаетъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ періодомъ оплодотворенія человѣческаго рода. У некультурныхъ народовъ, какъ-то: сѣверно-американскіе индѣйцы, австралійцы, индійскіе горцы, готтентоты, періодъ оплодотворенія проявляется въ повальной разнузданности. Но даже у европейскихъ народовъ, гдѣ уже секундарные факторы должны были бы заслонить простыя отношенія незапамятнаго прошлаго, статистика обнаруживаетъ явные слѣды животнообразнаго состоянія человѣка. Для объ-

---

[1]) *Nyland*, т. IV, 1889 г., стр. 45 и 58.

[2]) *Prescott*, Geschichte der Eroberung von Peru, т. I., 1848 г., стр. 83.

[3]) *Никольскій*, Пособіе къ изученію устава богослуженія православной церкви, 3-е изд., 1874 г., стр. 383.

ясненія причинъ этого періода оплодотворенія человѣка прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ теоріямъ: то думали, что изобиліе пищи способствуетъ зачатію, то находили связь полового возбужденія съ температурой, временемъ года и близостью земли къ солнцу. Но, очевидно, нѣтъ опредѣленной поры, зависящей отъ внѣшнихъ причинъ и ввергающей всѣхъ животныхъ одновременно въ половой экстазъ, а наоборотъ, каждый родъ имѣетъ свое время, съ другой стороны каждый мѣсяцъ покровительствуетъ своимъ питомцамъ. Вопросъ, кажущійся столь запутаннымъ, оказывается вполнѣ послѣдовательнымъ результатомъ естественнаго подбора. Получается очень стройная система.

Каждая порода знаетъ время года, когда условія ея жизни—пища, температура, безопасность отъ враговъ и пр.—становятся наиболѣе благопріятными. Ясно, что потомство явившееся на свѣтъ какъ разъ въ это время, пользовалось наилучшими шансами къ существованію и выростанію, потомство же другихъ временъ года въ большинствѣ случаевъ погибало. Подъ давленіемъ этого желѣзнаго закона неумолимой жизненной борьбы выработались впослѣдствіи привычки оплодотворяться сообразно съ необходимостью дѣторожденія въ наиболѣе выгодное для преуспѣянія потомства время года. Поэтому одна и та же порода въ болѣе холодныхъ странахъ оплодотворяется позже, чѣмъ въ теплыхъ, въ высокихъ мѣстностяхъ позже, чѣмъ въ низменныхъ. Максимумъ дѣторожденія въ европейскихъ странахъ падаетъ на январь — въ Греціи, на февраль — въ Испаніи, Италіи и Австріи, на февраль и мартъ—во Франціи и Голландіи, на мартъ—въ Швеціи. Другими словами, по закону, выработанному естественнымъ подборомъ, человѣкъ готовитъ свое потомство къ началу весны и никакъ не раньше: когда черезъ полгода ребенокъ уже будетъ въ состояніи самъ питаться, то всѣ плоды созрѣли и недостатка въ пищѣ быть не можетъ.

Изъ этого правила бываютъ только кажущіяся исключенія: въ Чили большинство дѣтей рождается въ сентябрѣ и октябрѣ, въ Африкѣ—къ началу дождей, но это вѣдь и есть тамошняя весна. Правда, съ тѣхъ поръ, когда господствовалъ этотъ законъ періодическаго оплодотворенія, условія жизни значительно осложнились, на дѣторожденіе теперь вліяютъ и многіе другіе факторы, но все же укоренившаяся въ человѣкѣ привычка рождать дѣтей къ веснѣ вліяетъ на половую жизнь еще въ данное время. Въ одинаковомъ положеніи съ человѣкомъ находятся и домашнія животныя, условія

существованія которыхъ также измѣнились къ лучшему, что касается наличности пищи.

Эта геніальная теорія Вестермарка [1]) о періодѣ оплодотворенія предполагаетъ вегетаріанство первобытнаго человѣка, потому что если бы онъ питался мясомъ или рыбой, то при тогдашней немногочисленности людей въ сравненіи съ обиліемъ животныхъ и рыбъ, ему не приходилось бы дожидаться растеній, корни и плоды, а можетъ быть и стебельки и листья которыхъ служили ему пищей.

Вегетаріанство наблюдается и у ближайшихъ біологическихъ родственниковъ человѣка. Павіанъ питается преимущественно растительными продуктами, и лишь при случаѣ ѣстъ птицъ и ихъ яйца, рептилій, мелкихъ млекопитающихся, мухъ, пауковъ и т. под. То обстоятельство, что плѣненныхъ обезьянъ приходилось пріучать къ мясу, только доказываетъ ихъ вегетаріанство въ свободномъ состояніи. Особое значеніе я придаю тому, что у человѣка одинаковые съ обезьяной излюбленные фрукты. Горилла, равно какъ и человѣкъ, лакомится сливами, бананами, дынями, вишнями. Шимпанзе тоже вегетаріанецъ, хотя допускаетъ и исключенія, но орангутангъ никогда не ѣстъ мяса, за то въ случаѣ недостатка въ плодахъ готовъ питаться листьями, почками и молодыми ростками [2]).

Вегетаріанство первобытнаго человѣка доказывается еще его повсемѣстнымъ знакомствомъ съ растеніями—полезными и вредными, вкусными и горькими, съѣдобными и ядовитыми. Современный ботаникъ врядъ ли обладаетъ такимъ знаніемъ о вкусѣ и дѣйствіи на пищевареніе отдѣльныхъ растеній, краснорѣчиво свидѣтельствующимъ о вѣковомъ опытѣ. По слѣдамъ этого народнаго опыта пошла медицина и теоретическая наука. Все же многіе вопросы, давно порѣшенные на практикѣ, еще понынѣ являются предметомъ споровъ въ наукѣ, какъ напримѣръ, вопросъ о происхожденіи нѣкоторыхъ культурныхъ растеній. Несомнѣнно, человѣчество въ общемъ больше занималось растительнымъ царствомъ, чѣмъ животнымъ міромъ. Изъ общаго числа 140,000 видовъ растительнаго царства человѣкъ культивируетъ въ большихъ размѣрахъ около 300 видовъ, но изъ класса суставчатыхъ животныхъ, насчитывающаго въ десять разъ болѣе видовъ, можно привести только пчелу и двухъ-трехъ насѣкомыхъ, дающихъ шелкъ, которыхъ умѣетъ использовать человѣкъ. Изъ обширнаго класса мол-

---

[1]) *Westermarck*, Det menskliga äktenskapets historia. 1893 г., глава II; англійское изданіе The History of Human Marriage. 1891 г.

[2]) *Ranke*, Der Mensch. 1887 г., т. I, стр. 337—8.

люсковъ искусственно разводятъ одну только устрицу. Эти факты говорятъ сами за себя. Было бы ошибочно думать, что культурныя растенія обязаны своимъ насажденіемъ и примѣненіемъ именно послѣдней, такъ называемой культурной эрѣ. Наоборотъ, за послѣднихъ 2,000 лѣтъ люди не нашли и не ввели въ культуру ни одного вида, который въ своей полезности могъ бы поспорить съ кукурузой, рисомъ, бататами, картофелемъ, хлѣбнымъ деревомъ, финиковой пальмой, хлѣбными злаками, разными сортами проса, сорга, бананами, соей [1]).

Переходя теперь къ растеніямъ, не подлежащимъ особой культурѣ, прежде всего слѣдуетъ указать на хорошее знакомство людей съ цѣлебными свойствами различнѣйшихъ растеній. Ошибочно было бы думать, что медицинскія познанія проникли въ народъ, скорѣе, наоборотъ, народная медицина обогащала опытъ научный, потому что многія средства примѣняются народомъ совсѣмъ иначе, чѣмъ докторами, другимъ образомъ и противъ другихъ болѣзней; другія растенія никогда не входили въ кругъ аптечныхъ средствъ; наконецъ, третья группа уже своими названіями обличаетъ чисто народную оцѣнку ихъ полезныхъ качествъ. Да послужитъ маленькій перечень доказательствомъ моихъ словъ [2]).

Противъ каждой болѣзни народъ знаетъ спеціальное растеніе:

Противъ чахотки употребляются декокты изъ 1) фіалокъ, 2) троицына цвѣтка, 3) маргаритокъ, 4) росички (Drosera rotundifolia), 5) медуницы, Lungenkraut (Pulmonaria officinalis), 6) будры, кошачьей или собачьей мяты, Gundelrebe (Nepeta Glechoma), 7) богородицыной травы, Gundelkraut или Gundling (Thymus Serpyllum). Для пониманія нѣмецкихъ названій послѣднихъ двухъ растеній слѣдуетъ имѣть въ виду, что древне-нѣмецкое gund—гной.

Для желудка считаются полезными декокты изъ 1) кокорыша, Ertrauch (Fumaria officinalis), 2) конскаго щавеля, Grindwurz или Hungerkraut (Rumex obtusifolius), 3) бузины, Keileken отъ латинскаго colica (Sambucus nigra).

Роженицамъ даютъ пить декокты изъ 1) сыворотня (Galium verum), прозваннаго поэтому у нѣмцевъ Marienbettstroh или Liebfrauenstroh; 2) кирказона (Aristolochia Clematitis). Латинское названіе составлено изъ ἄριστος и λοχός, а нѣмцы передѣлали его въ Osterluzei.

Противъ цынги употребляются листья отъ чистяка (Ranunculus

---

[1]) *Декандолль*, Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. 1885 г., стр. 467 сл.

[2]) *Анненковъ*, Ботаническій словарь, 1859 г., *Söhns*, Unsere Pflanzen. 1899 г.

Ficaria), называемаго по этому Scharbockskraut отъ нижне-нѣмецкаго scharbuk-skorbut.

Вѣтрушка (Hepatica triloba) употребляется при болѣзняхъ печени, на что указываетъ уже названіе Leberblümchen.

Сокъ полыни служитъ для вытравливанія глистовъ.

Сердцебіеніе успокаивается посредствомъ глухой крапивы, Herzgespann (Leonorus cardiaca).

Декоктъ изъ репейника (Agrimonia Eupatoria) пьютъ какъ противоядіе при укушеніи змѣи.

Много средствъ народъ знаетъ противъ падучей болѣзни: 1) росичка (Drosera rotundifolia), 2) желтая сарана (Lilium Martagon), 3) сладкій корень (Polypodium vulgare), 4) емель (Viscum album), 5) морозникъ, Niesswurz (Heleborus niger). Послѣднее средство служило также для проясненія ума и для устраненія головныхъ болей, на что также указываетъ слово helloborosus въ смыслѣ „рехнувшійся". Для той же цѣли пользуются еще „живительной травой", Dickkopskraut [1]) (Senecio vulgaris), а желѣзнякъ (Verbena officinalis) не только помогаетъ противъ припадковъ, видѣній и пр., но даже возбуждаетъ въ дѣтяхъ любознательность и охоту учиться.

Кромѣ этихъ растеній съ спеціальнымъ назначеніемъ народъ приписываетъ другимъ универсальное дѣйствіе, выражая эту мысль или особыми поговорками или самимъ названіемъ.

О шалфеѣ (Salvia officinalis) въ нѣмецкомъ народѣ говорится:

Wûchse ein kreutlein vor den todt,
Es wär fürwar die salb ohn spot.

О клюквѣ и черноголовникѣ (Poterium bipinellum):

Esst Kranebeer und Bibernell,
So sterbt's net so schnell.

О валеріанѣ поговорка: Trinkt Baldrian,—sonst müsst ihr alle dran!

О пользѣ лихоманника (Gentiana cruciata), носящаго древнеязыческое имя Madelger, свидѣтельствуетъ пословица: Madelger—aller wurzeln ein êr, и другое названіе „Heil aller Schaden". Изъ названій растеній, помогающихъ якобы противъ всѣхъ болѣзней, отмѣчу еще слѣдующія: белладонна среди многочисленныхъ названій именуется также Nachtschatten, англійское deadly nightshade отъ древняго „schade" въ смыслѣ „врагъ", можевельникъ—Lebensbaut, англосаксонское quicbeam, и отъ того же корня quec производится и Wacholder > wechalter; плонникъ

[1]) Сл. выраженіе „einen dicken Kopf haben".

(Polytrichum) называется Widerthon отъ древненѣмецкаго towjan — умирать.

Такъ какъ химическое дѣйствіе различныхъ декоктовъ на организмъ кажется простолюдину чѣмъ-то въ высшей степени загадочнымъ, то онъ всякое врачеваніе считаетъ колдовствомъ. Языческія женщины, занимавшіяся уходомъ за ранеными и больными, вмѣстѣ съ тѣмъ были и колдуньями. Вотъ почему растенія въ народѣ окружены разнообразнѣйшими суевѣріями и сказаніями, разбираясь въ которыхъ не трудно убѣдиться, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ кушали и жевали различныя растенія или пили сокъ, или декоктъ изъ нихъ. Приведу нѣсколько характерныхъ обычаевъ. Декоктъ изъ емели служилъ не только лекарствомъ, но и противоядіемъ и уничтожалъ какое бы то ни было, направленное противъ пьющаго, колдовство. Изъ корня мандрагоры, называемой также Mannstreu, готовятъ любовные напитки и средство для безплодныхъ женщинъ. Въ средніе вѣка палачи передъ казнью жевали валеріановые корни, чтобы набраться храбрости. Древніе египтяне клялись чеснокомъ и лукомъ. По повѣрію жителей Сициліи розмаринъ можетъ даже оживить мертвыхъ, поэтому существуетъ поговорка:

C'é la rosmarina all'ortu,
Ca fa risuscitari all'omu mortu.

Интересно также нѣмецкое названіе лежанки (Veronica officinalis)— Godeskraut, которое, вѣроятно, получилось изъ Wodeskraut и дѣйствуетъ только тогда, когда собрано въ среду—древнесѣверное Odins dagr, англосаксонское Vôdenes däg.

Число примѣровъ можно увеличить до безконечности, но для нашей цѣли—доказать вегетаріанство первобытнаго человѣка—этого и не требуется. Намъ важнѣе выяснить, что, судя по наименованіямъ растеній, уже съ давнихъ поръ человѣкъ отличалъ ядовитыя отъ безвредныхъ. Окруженный сказаніями нарциссъ прозванъ отъ ναρκη—онѣмѣніе. Омегъ, Wolfswurz (Aconitum lycoctonum) напоминаетъ то время, когда отравляли волковъ этимъ растеніемъ. Морозникъ (Helleborus niger) названъ по-нѣмецки Lüppwurzel, Laubritschen, что напоминаетъ намъ lubjaleisei = колдовство у Вульфилы, въ то время какъ латинское наименованіе образовано отъ ἐλεῖν—убивать. Загадочное бѣлена, Bilse (Hyosciamus niger) сопоставляютъ съ греко-италійскимъ божкомъ Belenus и кельтскимъ Beal.

Другая группа растеній съ острымъ и непріятнымъ вкусомъ, въ зависимости отъ чего онѣ получили соотвѣтствующія наименованія, ко-

торыя никогда не изобрѣтались бы, если бы въ извѣстное время человѣку не пришлось перепробовать ихъ вкусъ. Такъ Daphne Mezereum благодаря своему непріятному вкусу прозвано дикимъ перцемъ или волчьимъ перцемъ — Päperblume и Kellerhals — дерущее горло, отъ древне-нѣмецкаго chellen—мучить. Anemone pratensis названо Bitzblum или Bitzwurz отъ древне-нѣмецкаго bîzen—кусать. Sedum acre по мѣсту нахожденія и по вкусу именуется Mauerpfeffer и Steinpfeffer. „Сладкій корень“ (Polypodium vulgare) у нѣмцевъ получило даже названіе „Engelsüss“.

Если вышеприведенные примѣры только косвеннымъ образомъ поддерживаютъ гипотезу первобытнаго вегетаріанства, то прямое отношеніе къ этому вопросу имѣютъ тѣ дикія, нигдѣ не воздѣлываемыя растенія, которыя тѣмъ не менѣе еще понынѣ служатъ пищей народа. Чистякъ (Ranunculus Ficaria) ѣдятъ и въ видѣ салата и вмѣстѣ съ настоящимъ салатомъ; отсюда названія Zigeunerkraut и Zigeunersalat. Другія имена Erdgerste и Himmelbrot указываютъ на съѣдобность корней, которыми мѣстами дѣйствительно питаются. Сухотный корень, Zehrwurz (Arum maculatum) на Карпатахъ примѣшивается къ хлѣбу, а въ Богеміи и Силезіи ѣдятъ сушеные его корни. Чернобыльникъ (Artemisia vulgaris) приправляется къ многимъ блюдамъ и чаще всего его ѣдятъ съ гусемъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что простой народъ, не будучи въ состояніи покупать дорогой китайскій чай, пользуется въ качествѣ навара мѣстными растеніями: ромашкой, мятой, медовникомъ (Melissa officinalis), бузиной (Sambucus nigra), терновникомъ (Prunus spinosa), майораномъ (Origanum Majorana) и „лѣсной мятой“ (Origanum vulgare) [1]).

Меня однако смущаетъ такое обстоятельство: говоря о цѣлебныхъ и волшебныхъ (что собственно одно и то же) растеніяхъ, мы постоянно упоминали о декоктѣ или чаѣ, но вѣдь такое пользованіе предполагаетъ и знакомство съ огнемъ и умѣніе кипятить воду. Вегетаріанство могло существовать еще до добыванія огня и навѣрно даже такъ и существовало. Затѣмъ люди могли пользоваться огнемъ, но еще не знать кипятка. Дилювіальный человѣкъ, собравъ воды въ какой-нибудь земляной ямѣ, согрѣвалъ ее, бросая въ нее раскаленные камни, но онъ не былъ въ состояніи кипятить воду и приготовить декоктъ, потому что у него не было сосудовъ [2]). Поэтому, чтобы не очень

---

[1]) *Ranke*, op. cit., т. I, стр. 336.

[2]) *Hoernes*, Der diluviale Mensch in Europa. 1903 г.

близко къ нашему времени придвинуть эпоху вегетаріанства, приходится отказаться отъ всякихъ декоктовъ. Но неужели вмѣстѣ съ тѣмъ опровергается и давность пользованія тѣми растеніями, которыя нынѣ употребляются для декоктовъ? Я думаю нѣтъ. Довольно страннымъ былъ бы тотъ вегетаріанецъ, который пренебрегалъ бы самыми вкусными, сочными и полезными для организма растеніями. И неужели человѣкъ только тогда, когда онъ давно пересталъ быть вегетаріанцемъ, познакомился съ цѣлебнымъ дѣйствіемъ цѣлаго ряда растеній спеціально съ цѣлью варить изъ нихъ декокты? Какъ же представить себѣ подобное открытіе, когда человѣкъ въ то время уже никогда не бралъ въ ротъ ни одного дико растущаго растенія? Можно возразить только одно, что цѣлебныя растенія явились результатомъ научныхъ изслѣдованій. Но вѣдь я все время доказывалъ, что растенія, ихъ вкусъ, ихъ цѣлебныя, питательныя и ядовитыя свойства были извѣстны человѣку далеко до возникновенія наукъ, до существованія аптекъ и научной медицины.

Чтобы не запутаться въ противорѣчіяхъ, необходимо признать, что человѣкъ еще до изобрѣтенія сосудовъ хорошо былъ знакомъ со всѣми растеніями, но такъ какъ онъ не могъ варить изъ нихъ чай или декоктъ, то онъ принималъ ихъ въ сыромъ видѣ и, прежде всего, жевалъ ихъ. Это предположеніе подсказываетъ не только логика, но оно становится доказаннымъ, если мы приведемъ сохранившіеся до нашихъ дней обычаи жевать различныя растенія. Тогда мы убѣдимся, что еще понынѣ по всему земному шару принято жевать то или другое растеніе. Въ Южной Америкѣ, особенно въ Перу и Боливіи, какъ туземцы, такъ и испанцы жуютъ сухіе листья кока (Erythroxylum peruvianum). Работники въ плантаціяхъ отдыхаютъ четыре раза въ день: разъ, чтобы поѣсть, и три раза, чтобы жевать кока. Образъ жизни и психологія жующихъ кока, такъ называемыхъ coqueros, подробно описалъ Чуди [1]). Кромѣ того, индійцы постоянно жуютъ что-нибудь: корни, вѣтки, стебельки и растираютъ зубы кусками горькихъ, стягивающихъ на вкусъ деревьевъ [2]). Въ Индіи, Китаѣ и Меланезіи туземцы жуютъ бетель или болѣе сложный препаратъ: куски орѣха Areca Catechu или Acacia Catechu или Nauclea Gambir, обсыпанные растолченной раковиной, завертываются въ листья Piper Betle. Старъ и младъ жуютъ приготовленныя такимъ образомъ лакомства съ большимъ на-

---

[1]) *Tschudi*, Peru. 1846 г., т. II, стр. 210—7, 252 и 257.

[2]) Op. cit., т. II, стр. 253.

слажденіемъ. На Сандвичевыхъ островахъ королева и вся ея свита, разгуливая по улицамъ столицы, жевали сахарный тростникъ [1]). По всей Африкѣ жуютъ орѣхи кола (Sterculia acuminata), и на рынкахъ Туниса и Алжира этотъ товаръ продается въ изобиліи. Кромѣ того, негры, живущіе въ областяхъ Конго, жуютъ листья неизвѣстнаго растенія, называемаго ими нкасса. Въ Новой Зеландіи жуютъ каури, т. е. смолу отъ Dammara или Mimiha. Въ Швеціи жуютъ еловую смолу, вообще же въ Европѣ, я думаю, табакъ вытѣснилъ другіе препараты жеванія [2]).

Итакъ, если принять теорію первобытнаго вегетаріанства, то въ виду отсутствія у нашихъ предковъ—вегетаріанцевъ средствъ къ кипяченію и варкѣ ѣды, необходимо признать и то, что они, какъ это доказывается и современными переживаніями, жевали листья, корни, плоды и даже смолу различныхъ растеній, извлекая, такимъ образомъ, питательныя вещества изъ нихъ. Отмѣтимъ еще, что жеваніе, равно какъ и вегетаріанство, было явленіемъ общечеловѣческимъ.

Въ настоящее время мы привыкли къ тому, что каждый самъ жуетъ свою пищу, и мы едва ли можемъ себѣ представить, чтобы кто-нибудь за насъ жевалъ. Но во времена вегетаріанства дѣло обстояло иначе, и, какъ я въ дальнѣйшемъ докажу примѣрами изъ современной жизни некультурныхъ народовъ, существовалъ обычай жевать для другихъ или, вѣрнѣе, жевать на запасъ. Это предположеніе можетъ встрѣтить такое возраженіе: обыкновеніе жевать на запасъ указываетъ уже на извѣстное умственное развитіе, а полагая, что эти запасы дѣлались для другихъ, можно думать только о зачаткахъ какого-то соціальнаго строя, въ силу котораго происходила эта „работа“ въ пользу другихъ. Это возраженіе отвергнуть нельзя, такъ какъ мы и представить себѣ не можемъ, съ какимъ уровнемъ умственнаго и соціально-біологическаго развитія совпала эпоха вегетаріанства. Какъ увидимъ ниже, въ этомъ жеваніи слѣдуетъ безусловно видѣть примитивную форму принудительнаго труда: младшіе по возрасту работаютъ для старшихъ, женщины для мужчинъ. Я думаю, что еще до зачатковъ родового быта бывали случаи жеванія для другихъ. Вѣдь жеваніе матери для ребенка и самца для больной самки—привычки, вполнѣ возможныя у любой породы обезьянъ, не говоря уже о несравненно выше стоящихъ антропоидахъ. Въ виду этого я думаю, что

---

[1]) *Hartwig*, Die Inseln des grossen Oceans im Natur-und Völkerleben. 1861 г., стр. 317.

[2]) *Ranke*, op. cit., т. I, стр. 336.

предположеніе для извѣстной поры вегетаріанства существованія обычая жеванія для другихъ и на запасъ не встрѣтитъ возраженія, тѣмъ болѣе что до настоящаго времени сохранились такіе факты.

Въ эту пору, когда готовились хотя бы и самые скромные запасы разжеванныхъ растеній, всѣ условія, необходимыя для открытія алкогольнаго напитка, были на лицо. Такъ какъ эти условія не ограничивались какимъ-нибудь однимъ племенемъ или какой-нибудь одной частью свѣта, то мы въ правѣ допустить, что это открытіе могло послѣдовать въ различныхъ мѣстахъ одновременно при полной самостоятельности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. А разъ алкогольный напитокъ былъ открытъ, то вслѣдъ за тѣмъ онъ нашелъ и оцѣнку и примѣненіе въ духѣ вышеописанныхъ культовъ. Съ теченіемъ времени, можетъ быть, въ десятки тысячъ лѣтъ, выработалась уже страсть къ алкоголю, и религіозный обычай пить для экстаза превратился въ потребность пьянствовать ради пьянства. Съ этого момента стали уже сказываться вредныя послѣдствія постепенной алкоголизаціи человѣчества, и къ жертвамъ алкоголизма обнаруживается отрицательное отношеніе. Безпринципное пьянство вызвало также всемірное производство и торговлю алкогольными напитками на болѣе широкихъ и раціональныхъ началахъ.

III.

Кромѣ механическихъ актовъ пищеваренія, состоящихъ въ разжевываніи пищи зубами и въ смачиваніи ея слюной, уже въ полости рта начинается химическій процессъ, имѣющій цѣль превратить пищу въ удоборастворяемую субстанцію. Этотъ процессъ состоитъ въ броженіи, которое вызывается въ кишкахъ, выдѣляющихъ особо сильный ферментъ, но, какъ сказано, это броженіе уже подготавливается въ полости рта. Здѣсь ферментомъ является слюна. По изслѣдованію физіологической химіи слюна оказывается водянистой соленой жидкостью, содержащей кромѣ небольшой частицы бѣлка еще муцинъ и птіалинъ. Въ то время, какъ муцинъ придаетъ разжеванной пищѣ скользкость, чтобы легче было глотать ее, птіалинъ превращаетъ содержимый въ пищевыхъ продуктахъ крахмалъ сперва въ декстринъ, а затѣмъ въ виноградный сахаръ. Для питанія птіалинъ, такимъ образомъ, имѣетъ рѣшающее значеніе. Такъ какъ крахмалъ самъ по себѣ не растворяется, то безъ птіалина онъ никогда не проникъ бы въ кровь, но, благодаря только что описанному процессу, онъ переходитъ въ виноградный сахаръ, легко диффудирующійся и поэтому безпре-

пятственно всасывающійся въ кровь. Правда, окончательное перевариваніе пищи происходитъ уже въ кишкахъ, и къ птіалину присоединяются еще другіе, болѣе сильные ферменты, но не смотря на непродолжительное пребываніе пищи во рту, все же часть крахмала уже здѣсь переобразовывается въ сахаръ [1]).

Послѣ этого отступленія вернемся къ первобытному вегетаріанству и отвѣтимъ на вопросъ, что должно было произойти тогда, когда разжеванныя на запасъ растенія выплевывались въ деревянный сосудъ или въ углубленный камень или въ земляную яму? По моему, возможенъ только одинъ отвѣтъ: черезъ нѣкоторое время начнется тотъ же процессъ, который мы наблюдаемъ и при винокуреніи, т. е. крахмалъ, содержимый въ разжеванныхъ растеніяхъ,—а крахмалъ входитъ въ составъ всѣхъ растеній, въ различныхъ дозахъ, конечно,—крахмалъ благодаря птіалину дастъ виноградный сахаръ, который съ своей стороны при броженіи распадется на спиртъ, углекислоту, глицеринъ и другія вещества. Разница только въ томъ, что при винокуреніи діастазъ содержится въ солодѣ, когда же разжеванныя растенія производятъ спиртъ, діастазъ-птіалинъ берется изъ слюны. Вѣдь и въ современномъ производствѣ спиртъ добывается изъ растеній, содержащихъ много крахмала, какъ, напримѣръ, картофельные клубни, рожь, пшеница, рисъ и маисъ.

Поспѣшу устранить сомнѣніе, будто слюна, выдѣляемая при жеваніи, количественно была не въ силахъ произвести описанное дѣйствіе. Во-первыхъ, для вызыванія броженія достаточно минимальнаго количества діастаза, во-вторыхъ, при нормальномъ состояніи въ сутки выдѣляется до одного литра слюны, но когда вкусная пища или острыя вещества раздражаютъ языкоглоточные нервы, то слюнотеченіе значительно усиливается. Вотъ почему и нѣтъ основанія думать, что участіе слюны въ массѣ разжеванныхъ растеній слишкомъ ничтожно, чтобы вызвать броженіе и образованіе спирта.

Подводя итогъ всему изложенному, я рѣшаю вопросъ о дальнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ человѣчества такъ: когда въ пору первобытнаго вегетаріанства приходилось жевать растенія на запасъ, то въ силу химическихъ законовъ разжеванныя растенія, смѣшанныя съ слюной, должны были перейти въ броженіе, дающее въ результатѣ алкогольный напитокъ. Правда, это мое предположеніе еще нуждается въ провѣркѣ посредствомъ химическаго опыта, но такъ какъ обита-

---

[1]) *Ranke*, op. cit., т. I, стр. 263.

тели острововъ Тихаго океана и индѣйцы въ Южной Америкѣ еще до сихъ поръ не знаютъ другого способа приготовленія опьяняющихъ напитковъ и, слѣдовательно, изъ года въ годъ продѣлываютъ интересующій насъ опытъ, то я ограничусь пересказомъ того, что намъ сообщили путешественники о приготовленіи и употребленіи этого примитивнаго напитка.

Когда первые европейцы подъ предводительствомъ Франца Пизарро проникли въ Перу, ихъ жадность особенно была возбуждена блестящими золотыми чашами, въ которыхъ туземцы подносили имъ свой національный напитокъ chicha [1]). Можетъ быть, это названіе образовано отъ глагола chichini=прозябать, пускать почки [2]). Отсюда chicheros=пристрастившійся къ этому напитку, т. е. пьяница. Въ городахъ Перу, въ особенности въ столицѣ Лима, до настоящаго времени можно получить этотъ туземный напитокъ въ особыхъ ресторанахъ, такъ называемыхъ picanterias, гдѣ пьютъ чичу изъ большихъ стакановъ. Цвѣтъ его желтый и мутный, вкусъ—горьковато-острый. Приготавливается чича слѣдующимъ образомъ: зерна маиса поливаются водой, чтобъ они осырѣли и распустились [3]); затѣмъ едва прозябшія зерна сушатся на солнцѣ и получается jora; сухія зерна толкутъ, кипятятъ въ водѣ и предоставляютъ броженію. До сихъ поръ мы не нашли ничего похожаго на первобытное жеваніе, но слѣдующія подробности уже болѣе интересны. Во-первыхъ, жидкость не отливается отъ полученной гущи. Правда, кто желаетъ, можетъ получить ясную чичу безъ гущи—bomba ariba, но настоящій чичеросъ всегда пьетъ съ гущею—bomba abajo. Впрочемъ, онъ не столько пьетъ, сколько жуетъ. Во-вторыхъ, чича готовится обыкновенно изъ маиса, но годится и рисъ, горохъ, ячмень, юккасъ, ананасъ и хлѣбъ [4]). Я понимаю это такъ, что маисъ вошелъ въ употребленіе благодаря своей общераспространенной культурѣ, до которой пользовались разными, находящимися случайно подъ рукой растеніями. Кипяченіе я считаю также добавленіемъ болѣе утонченной культуры, такъ какъ въ приготовленіи другихъ неамериканскихъ напитковъ оно отсутствуетъ. Но чтобы понять настоящую древность перуанской чичи, нужно обратиться къ индѣйцамъ, которые знаютъ болѣе примитивный способъ приготовленія чичи.

---

[1]) *Prescott*, Geschichte der Eroberung von Peru. 1848 г., т. I, стр. 296 и 306.

[2]) *Lopez*, Les races aryennes du Perou. 1871 г., стр. 360.

[3]) Поэтому я и рѣшился производить названіе чичи отъ глагола прозябать.

[4]) *Tschudi*, Peru. 1845 г., т. I, стр. 213—4.

Индѣйцы, живущіе въ дебряхъ долинъ—sierra, справляютъ свои религіозныя празднества многодневнымъ пьянствомъ, къ которому напитокъ готовится слѣдующимъ образомъ: женщины и мужчины садятся въ кругъ, въ серединѣ котораго находится куча сушеныхъ зеренъ jora; каждый беретъ горсть зеренъ и жуетъ ихъ, выплевывая разжеванную массу въ сосудъ; затѣмъ, прибавивъ воды, кипятятъ все и предоставляютъ броженію. Хотя Чуди и говоритъ, что необходимо много самообладанія, чтобы, будучи очевидцемъ этого способа приготовленія, попробовать получаемый напитокъ, тѣмъ не менѣе, нашедши, очевидно, въ себѣ необходимое самообладаніе, сообщаетъ, что на вкусъ это питье своеобразно пріятно—eigentümlich angenehmer Geschmack. Такой напитокъ называется chicha mascada и считается вкуснѣе городской чичи. Отчего? Я думаю потому, что послѣднему недостаетъ самаго главнаго—слюны. Дѣйствительно, если растолченныя зерна приходятъ въ броженіе, то благодаря діастазу, входящему въ составъ самаго маиса; при разжевываніи зеренъ къ этому растительному діастазу присоединяется птіалинъ обильной слюны, и броженіе становится болѣе энергичнымъ, отсюда и разница во вкусѣ. Но за то индѣйцы страдаютъ однимъ недостаткомъ, едва ли встрѣчаемымъ у европейцевъ,—зубы ихъ чуть-чуть выдаются изъ десенъ, до того они стираются и притупляются отъ постояннаго жеванія jora. Если не считать этого неаппетитнаго обычая, индѣйцы однако додумались до тонкостей, которыя сдѣлали бы честь любому ойнологу Европы. При рожденіи ребенка они готовятъ большой глиняный горшокъ chicha mascada, и прибавивъ еще нѣсколько фунтовъ бычачьяго мяса и закупоривъ сосудъ, зарываютъ въ землю; черезъ много лѣтъ, когда выростетъ ребенокъ, въ день его свадьбы выкапываютъ и распиваютъ вылежавшееся питье. Ничѣмъ не смущаемый Чуди увѣряетъ, что такой напитокъ гораздо крѣпче обыкновеннаго, такъ что можно пьянѣть отъ одного стакана [1]).

Такъ какъ перуанскій напитокъ восходитъ къ религіозному, культовому пьянству, то присмотримся немного къ этимъ языческимъ празднествамъ. Ихъ было четыре въ году въ зависимости отъ положенія солнца: лѣтній солнцеворотъ—Umu Raymi и зимній—Yntip Raymi, весеннее равноденствіе—Kapak Raymi и осеннее—праздникъ Acumya. Эти праздники настолько естественны, что невольно возникаетъ вопросъ, могъ ли какой-нибудь народъ ихъ не узнать? Несомнѣнно мы

---

[1]) *Tschudi*, op. cit., т. II, стр. 179—180.

тутъ натолкнулись на самый корень религіозныхъ празднествъ и календаря. Въ настоящее время индѣйцы смотрятъ на эти праздники, главнымъ образомъ, какъ на поводъ пьянствовать, но въ старину они обставлялись весьма торжественно. Три дня до лѣтняго солнцеворота объявлялся постъ. Въ самый день праздника инка со всѣмъ дворомъ выѣзжалъ на главную площадь встрѣчать восходящее солнце. При первыхъ лучахъ солнца инка совершалъ жертвенное возліяніе чичи изъ громадной золотой чаши, затѣмъ онъ самъ пилъ и давалъ пить своимъ родственникамъ. Одновременно начиналось повальное пьянство и пляска, пылали костры, устраивались шествія, приносились жертвы, иногда даже убивали людей. Празднество длилось нѣсколько дней [1]).

Отъ этихъ древнихъ праздниковъ остались однѣ военныя пляски, которымъ индѣйцы предаются съ такимъ рвеніемъ, что игра иногда переходитъ въ драку [2]). Въ городахъ же бой быковъ замѣнилъ нецивилизованные языческіе культы. Но какъ иногда искра тлѣетъ подъ золой и ждетъ только свѣжаго воздуха, чтобы вспыхнуть могучимъ пламенемъ, такъ и въ обращенномъ въ христіанство индѣйцѣ продолжаетъ жить язычникъ, ветхозавѣтный человѣкъ—der alte Adam. Вотъ какъ обращенные индѣйцы—cholos праздновали какой-то церковный праздникъ въ деревнѣ Токаче, лежащей на верхнемъ Гваллага, притокѣ Мараньона. Еще до праздника подъ звуки барабановъ со всѣхъ сторонъ изъ лѣсу собираются шумныя группы охотниковъ. При первомъ разсвѣтѣ раздается колокольный звонъ, и тотчасъ мужчины начинаютъ ходить по хижинамъ, вездѣ выпивая masato. Развѣ это не буквальное повтореніе извѣстнаго намъ Umu Raymi? Послѣ этого отправляются въ церковь торжественной процессіей, производя неописуемый шумъ при помощи барабановъ, кастаньетъ, бубенчиковъ, костяныхъ свистулекъ и инструмента, прототипа гитары, сдѣланнаго изъ одного дерева. Католическаго патера—миссіонера несутъ во главѣ шествія. Въ церкви начинается служба, настроеніе толпы приподнятое—von Andacht und Ernst keine Spur. Особые служащіе (полицейскіе?) громкимъ голосомъ приказываютъ что дѣлать, становиться на колѣни и пр. Наконецъ наступаетъ давно жданный моментъ, когда священникъ долженъ освятить охотничью добычу. Охотники, неся убитыхъ животныхъ, выстраиваются въ рядъ и приближаются къ алтарю

---

[1]) *Lopez*, op. cit., стр. 186—9; *Prescott*, op. cit., т. I, стр. 79.
[2]) *Tschudi*, т. II, стр. 181.

съ дикимъ гиканьемъ и разнузданными прыжками. Теперь уже ничто не можетъ остановить разыгравшіяся страсти. Тутъ вокругъ алтаря начинается пляска, которая прерывается только для питья масато. Веселье продолжается до тѣхъ поръ, пока запасы масато не уничтожены [1]).

Это празднество не только важно какъ свидѣтельство о живучести чисто языческаго оргіазма, но и нѣкоторыя подробности не лишены значенія. Такъ самый напитокъ масато представляетъ собой только разновидность чичи: его готовятъ изъ разжеванныхъ корней юккасъ [2]). Въ приготовленіи его участвуютъ однѣ женщины. Принимая во вниманіе, что пользуются имъ преимущественно мужчины, нельзя не признать въ производствѣ масато одну изъ первичныхъ формъ принудительнаго труда. Такіе полуязыческіе, христіанскіе церковные праздники были, вѣроятно, не рѣдкостью, такъ какъ тотъ же путешественникъ задержался въ дорогѣ и другой разъ, когда и его провожатые приняли участіе въ культовомъ пьянствѣ [3]). Въ Чили же онъ наблюдалъ сцену, какъ первобытное племя обходится безъ сосудовъ. Индѣйцы лежали пластомъ на землѣ вокругъ ямы, покрытой овечьей шкурой и наполненной напиткомъ; пили прямо изъ ямы до безчувствія [4]). Наконецъ, считаю нужнымъ отмѣтить, что южноамериканскіе индѣйцы по преимуществу вегетаріанцы. При томъ индѣецъ не ѣстъ хлѣба, а маисъ и бобы онъ варитъ лишь настолько, что, имѣя крѣпкіе зубы, можно жевать ихъ [5]).

Что касается индѣйцевъ восточной Бразиліи, то, очевидно, Штейненъ, путешествовавшій вдоль береговъ Шингу, притока Амазонки, съ юга на сѣверъ, не познакомился съ подробностями ихъ празднествъ, но его замѣчаніе о напиткѣ mingaus все же указываетъ на сходство съ чичей. Оно употребляется въ трехъ видахъ: 1) бѣловатое, едва освѣжающее питье съ гущью—Rührbrei—изъ крахмальной муки; 2) желтоватое, по вкусу напоминающее тыкву, питье; 3) теплый, сладковатый, пріятный напитокъ [6]). Въ Юкатанѣ и Табаско все питаніе туземца состоитъ въ posole. Это зерна маиса, размягченныя въ

---

[1]) *Poeppig*, Reise in Chile, Peru und auf dem Amazonenstrome. 1836 г., т. II, стр. 299—301.

[2]) Manihot Aipi.

[3]) *Poeppig*, op. cit., т. II, стр. 38.

[4]) Ibidem, т. I, стр. 352.

[5]) *Tschudi*, op. cit., т. II, стр. 227; *Poeppig*, op. cit., т. II, стр. 375.

[6]) *Von den Steinen*, Durch Central-Brasilien. 1886, стр. 159.

водѣ съ примѣсью извести, растертыя между камнями и разбавленныя съ водой. Тутъ о броженіи и опьяняющемъ дѣйствіи не можетъ быть и рѣчи, и индѣйцы просто питаются этимъ питьемъ и берутъ его съ собой на работу. Но это новое примѣненіе — питаніе вмѣсто опьянѣнія—уже указываетъ на вырожденіе стараго языческаго обряда, и явилось возможнымъ только послѣ замѣны разжевыванія простымъ растираніемъ, при чемъ отпадаетъ слюна, главная причина броженія [1]).

По всей Мексикѣ извѣстна чича, но тутъ мы уже наблюдаемъ стремленіе перейти къ другому, болѣе утонченному напитку—pulque. Какъ въ Европѣ виноградное вино стало оттѣснять пиво, такъ и пульке конкурируетъ съ чичей въ Мексикѣ. Чича всѣмъ европейцамъ напоминаетъ пиво; такъ Геллеръ [2]) называетъ чичу—analog dem Biere, Чуди [3])—eine Art Bier aus Mais. Въ то время, какъ чичу готовятъ изъ зеренъ, пульке добывается изъ сока стеблей того же маиса. Когда послѣдній собирается цвѣсти, срѣзаютъ стебель по срединѣ и выскабливаютъ его внутренность, которая быстро наполняется сладкимъ сокомъ—aqua miel. Каждое утро извлекается этотъ сокъ, и иногда проходитъ 3 мѣсяца, прежде чѣмъ растеніе высыхаетъ и гибнетъ. Изъ этого сока посредствомъ броженія и добывается пульке. Рядомъ съ этимъ pulque de mais, имѣется еще разновидность pulque de Guayava. Хотя пульке безусловно новѣйшая затѣя—между прочимъ, изъ даннаго сока гонятъ и водку—все же связь его съ древней чичей вполнѣ доказуема, а также и съ вегетаріанствомъ, такъ какъ индѣйцы еще понынѣ ѣдятъ стебли маиса въ сыромъ видѣ [4]).

Что касается индѣйцевъ Сѣверной Америки, то ихъ считаютъ настолько отсталымъ народомъ, что у нихъ нѣтъ ни правильнаго питанія, ни напитковъ, но если это дѣйствительно такъ, то я все-таки сомнѣваюсь въ томъ, чтобы индѣйцы постоянно жили такъ безпомощно. Всѣмъ извѣстно, что индѣйцы быстро таютъ подъ напоромъ интенсивной культуры и сраженные еще болѣе интенсивной водкой. Не есть ли забвеніе родныхъ изобрѣтеній одинъ изъ симптомовъ этого вымиранія, тѣмъ болѣе что европейская колонизація позаботилась о введеніи новаго, можетъ быть, болѣе вкуснаго напитка [5])?

Заканчивая этотъ бѣглый обзоръ американскихъ напитковъ, считаю

---

[1]) *Heller*, Reisen in Mexiko. 1853 г., стр. 236 и 333.

[2]) Op. cit., стр. 166.

[3]) Op. cit., т. I, стр. 213.

[4]) *Heller*, op. cit., стр. 83, 166 и 393.

[5]) *Waitz*, Die Indianer Nordamerikas. 1865 г., стр. 96—7.

нужнымъ указать на то, что возникшая уже до открытія Америки культура мѣшаетъ намъ составить себѣ вполнѣ вѣрное понятіе о первоначальномъ приготовленіи алкогольнаго напитка. Такъ, напримѣръ, маисъ еще до открытія Америки сталъ всюду разводимымъ культурнымъ растеніемъ, заслонившимъ другіе, дико растущіе плоды. Получаемое однообразіе напитковъ усугубляется вслѣдствіе распространенія названія „чича" по громадному раіону. Posole въ средней Америкѣ и mingaus въ Бразиліи свидѣтельствуютъ о прежнемъ разнообразіи. Все же, пользуясь и этимъ скромнымъ матеріаломъ, мы могли убѣдиться въ доказуемости всѣхъ нашихъ общихъ тезисовъ. И ту же картину увидимъ, обратившись къ островамъ Тихаго океана, гдѣ вездѣ распиваютъ мѣстный алкогольный напитокъ кава, ава или кэу, кромѣ тѣхъ острововъ, гдѣ растительность настолько убога, что туземцы питаются исключительно рыбой, а для приготовленія кавы не имѣютъ подходящаго матеріала. Такимъ образомъ, куріанцы на островѣ Тарава пьютъ только кокосовый сокъ, а опьяняющаго напитка готовить не могутъ. Вообще же островитяне въ Тихомъ океанѣ преимущественно вегетаріанцы; любимое ихъ кушанье — корень йямсъ [1]).

Кава получается изъ корня Piper methysticum, которому на нѣкоторыхъ островахъ оказываютъ чуть ли не божескія почести и который, кромѣ того, фигурируетъ въ различныхъ обрядахъ. Какъ корень такъ и напитокъ кава считается самой подходящей жертвой богамъ [2]). На островахъ Фиджи старыхъ людей зарываютъ живыми, и въ первую ночь послѣ зарытія сынъ совершаетъ обрядъ послѣдняго прощанія — veitala: посѣщаетъ могилу и кладетъ на нее корень ава [3]). На островѣ Таити коронація короля — выражаясь по европейски — состояла въ опоясываніи священнымъ поясомъ Maro Uro, сдѣланнымъ изъ волоконъ Piper methysticum и украшеннымъ красными перьями; послѣ этого обряда король уподоблялся богамъ [4]). Въ виду общеупотребительности этого растенія нѣкоторые островитяне культивируютъ его; какъ въ другихъ частяхъ свѣта обширныя поля засѣяны безполезнымъ и даже вреднымъ табакомъ, такъ въ Таити, напримѣръ, бо́льшая часть острова занята полями Piper methysticum [5]).

---

[1]) *Hartwig*, Die Inseln des grossen Oceans im Natur- und Völkerleben. 1861 г. стр. 397 и 447.

[2]) *Michelis*, Die Völker der Südsee. 1847 г., стр. 90 и 110.

[3]) *Hartwig*, op. cit., стр. 406.

[4]) *Hartwig*, op. cit., стр. 194.

[5]) *Hartwig*, op. cit., стр. 169.

Каву пьютъ исключительно во время религіозныхъ празднествъ, и само пьянство обставлено очень торжественно. Къ началу пьянства на островѣ Гаваи объявлялось табу—awakoo, а къ концу наступало другое табу—koolei [1]). Въ пьянствѣ принимаютъ участіе самые знатные подъ предсѣдательствомъ старшаго вождя, а народъ—profanum vulgus—лишь издали смотрѣлъ на священнодѣйствіе избранныхъ. На островѣ Тонга празднество происходило слѣдующимъ образомъ: активные участники садились въ кругъ, строго соблюдая старшинство, а въ почтительномъ разстояніи собиралась толпа въ три—четыре тысячи человѣкъ. Затѣмъ приносились связки корней Piper methysticum и младшіе начинали жевать ихъ. Разжевавъ корень, клали его на фиговый или банановый листъ и передавали по рукамъ тому, кто долженъ былъ готовить напитокъ. Этотъ мундшенкъ собиралъ готовые корни въ большой сосудъ и приступалъ къ своей работѣ по знаку предсѣдателя, когда корней было достаточно. Прибавивъ воды, смявъ корни и обмотавъ ихъ волокнами Hibiscus, мундшенкъ поднимаетъ всю массу сразу и начинаетъ выжимать изъ нея жидкость. Мускулы напряжены до послѣдней возможности, зубы стиснуты, брови сморщены. На него смотритъ вся Тонга. Наконецъ, послѣдняя капля упала въ сосудъ, и мундшенкъ быстрымъ движеніемъ бросаетъ въ сторону сухую массу. Въ этотъ моментъ по всему собранію слышенъ шумъ въ знакъ одобренія. Напитокъ готовъ, и его разливаютъ въ кубки, приготовленные изъ банановыхъ листьевъ. Кубки раздаются по старшинству, и предсѣдатель громко выкрикиваетъ имя получающаго [2]).

Въ этомъ разсказѣ насъ поражаетъ то, что кава распивается сразу послѣ приготовленія и какъ будто не дается времени на броженіе. Но дѣло въ томъ, что Piper methysticum обладаетъ свойствомъ бродить въ самое непродолжительное время [3]). Въ Новой Гвинеѣ, гдѣ пользуются другими корнями, заготавливаютъ напитокъ за двѣ—три недѣли до надобности [4]). Любопытна черта, что жуютъ только младшіе участники празднества. На островѣ Самоа дѣвушки и парни жуютъ каву, у папуасовъ по свидѣтельству Штейнгейзера — однѣ дѣвушки. Въ этомъ я вижу остатки принудительнаго труда: молодежь работаетъ на старшихъ, женщины на мужчинъ. Иногда во время жеванія пред-

---

[1]) *Bastian*, Zur Kenntniss Hawaii's. 1883 г., стр. 36—7.

[2]) *Hartwig*, op. cit., стр. 374—5.

[3]) *Neubaur*, Aus der Südsee, Westermanns Monatshefte, т. LXXV, стр. 576.

[4]) *Steinhäuser*, Die Papuas auf Neu-Guinea, Westermanns Monatshefte, т. LXXX, стр. 598.

сѣдатель пиршества поетъ, а другіе сопровождаютъ его пѣніе жестами и рукоплесканіями и отвѣчаютъ ему хоромъ [1]). Миссіонеръ Михелисъ разсказываетъ еще такой случай: во время пира одинъ старикъ, выпивши сверхъ силъ кавы, залепеталъ непонятнымъ языкомъ. Присутствующіе рѣшили, что въ него вселилась душа умершаго недавно вождя, и упали передъ нимъ ницъ, цѣлуя ему ноги и при гробовомъ молчаніи ожидая, что онъ еще скажетъ [2]).

Особенно цѣнно то, что сообщаетъ о напиткѣ кэу или кау Миклухо-Маклай, жившій 15 мѣсяцевъ среди папуасовъ, говорившій на ихъ языкѣ и пользовавшійся ихъ безусловнымъ довѣріемъ. Кромѣ того, Маклай изслѣдователь вполнѣ сознательный, который старался „видѣть все собственными глазами“ и, относясь критически къ каждому такъ называемому „открытію“, отвергалъ „весь хламъ не полныхъ, не точныхъ и искаженныхъ постороннимъ вліяніемъ наблюденій“ [3]). Считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что наблюденія Маклая ни въ чемъ не противорѣчатъ разсказамъ другихъ путешественниковъ, а съ другой стороны поддерживаютъ наши общіе выводы.—Кэу готовится изъ листьевъ, корней и стеблей [4]) небольшого куста, относящагося къ тому же семейству, какъ и Piper methysticum, и старательно разводимаго около хижинъ. Кэу пьютъ только взрослые тамо; мальчикамъ до обрѣзанія и женщинамъ этотъ напитокъ запрещенъ. Но жуютъ — мальчики. Одинъ изъ старшихъ раздаетъ кэу и смотритъ, чтобы всѣ исправно жевали. „Темнозеленую, очень горькую массу папуасы часто вынимаютъ изо рта, кладутъ на ладонь и осторожно скатываютъ изъ нея шаръ величиною иногда съ куриное яйцо (отверстіе рта папуасовъ замѣчательно велико), потомъ кладутъ ее снова въ ротъ или передаютъ другому продолжать жеваніе. Когда масса достаточно мягка, каждый изъ жевавшихъ, вынувъ ее изо рта, скатываетъ снова въ шаръ и подаетъ папуасу, раздававшему порціи. Собравъ нѣсколько шаровъ, главный приготовитель кэу выжимаетъ руками обильную зеленую жидкость, пропитывающую шаръ, которая есть *ничто иное, какъ слюна жевавшихъ* [5]); затѣмъ смачиваетъ водою выжимки и снова выжимаетъ ихъ, пока вода почти не окрашивается“.

---

[1]) *Bastian*, op. cit., стр. 35.

[2]) *Michelis*, op. cit., стр. 72—3.

[3]) *Миклухо-Маклай*, Второе пребываніе на берегу Маклая въ Новой Гвинеѣ, Извѣстія Имп. русскаго географическаго общества, т. XVI, стр. 153.

[4]) Для теоріи вегетаріанства очень важная подробность!

[5]) Курсивъ мой.

Передъ большою чашею съ кэу дѣлаются въ землѣ углубленія, въ которыя ставятся чаши пирующихъ, выдѣланныя изъ скорлупы молодого кокосоваго орѣха. Чаши эти различныхъ размѣровъ, смотря по любви къ напитку, и внутри покрыты точно темнозеленымъ мохомъ, такъ какъ обычай не позволяетъ вымывать или вычищать внутри чашу, изъ которой пьютъ кэу.

„Когда всѣ чаши наполнены, папуасы, стоящіе вокругъ, протягиваютъ къ нимъ руки и берутъ ихъ всѣ въ одно время или поочередно, при чемъ соблюдается извѣстная послѣдовательность (сперва гости, потомъ болѣе старые и т. д.). Съ чашами въ рукахъ пирующіе расходятся по краямъ поляны, гдѣ происходитъ пиръ, и, отвернувшись, выпиваютъ чашу кэу, при чемъ въ тотъ же моментъ испускаютъ мочу. Этотъ обычай, который соблюдается постоянно въ нѣкоторыхъ деревняхъ, измѣняется въ другихъ такимъ образомъ, что мочу испускаютъ до выпиванія кэу и немного спустя“. — Выпиваютъ обыкновенно три или четыре столовыхъ ложки, что вполнѣ достаточно для опьянѣнія. Ни одно пиршество не обходится безъ кэу, при чемъ передъ нимъ ничего не ѣдятъ (т. е. постятся?).

Наряду съ этими подробностями, отзывающимися глубокой стариной, Маклай сообщаетъ и такія черты, которыя напоминаютъ намъ пьянство цивилизованныхъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ папуасы пьютъ кэу и въ обыкновенное время, даже женщины втайнѣ лакомы до него. Какъ у насъ принято закусывать икоркой или балычкомъ, такъ папуасы заѣдаютъ горькій вкусъ кэу, заранѣе для этой цѣли приготовленнымъ, наскобленнымъ кокосовымъ орѣхомъ, смоченнымъ кокосовой водою. Въ то время какъ чичеросъ предпочитаетъ гущу— bomba abajo, папуасы додумались уже до фильтрованія кэу. Для этого имъ нужны только двѣ большія выскобленныя скорлупы кокосоваго орѣха. Верхняя скорлупа, пробуравленная въ срединѣ, исполняетъ роль воронки, дно которой выстлано мягкой тонкою травою, замѣняющею фильтръ. Подобно тому, какъ европейскіе народы переходятъ къ болѣе и болѣе крѣпкимъ напиткамъ, отъ первоначальнаго „пива“ къ виноградному вину, а отъ вина къ водкѣ, коньяку и ликерамъ, такъ и у папуасовъ сушеный, много мѣсяцевъ сбереженный корень кэу доставляетъ болѣе горькое и крѣпкое питье.

Кромѣ того, что кэу темнозеленаго цвѣта и обыкновенной густоты топленаго, немного остывшаго жира, Маклай о качествѣ и дѣйствіи напитка разсказываетъ еще слѣдующее: „я самъ, желая знать эффектъ, выпилъ однажды обыкновенную порцію кэу; питье оказалось безъ

особеннаго запаха, горько-стягивающаго вкуса; черезъ нѣсколько времени по принятіи кэу я почувствовалъ головокруженіе и ноги отказались держать меня, что однако же прошло послѣ получасового сна" [1]).

Напитокъ кава или кэу извѣстный почти всѣмъ туземцамъ Полинезіи, ни разу не наблюдался въ Меланезіи, да и въ Новой Гвинеѣ онъ пріуроченъ только къ одной области — Астролябъ-баю [2]).

Пока ограничимся этими примѣрами изъ жизни народовъ, стоящихъ внѣ европейской культуры. Такъ какъ эти обычаи практиковались очень недавно, а отчасти практикуются и понынѣ, то они не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что посредствомъ жеванія и выплевыванія растеній въ одинъ общій сосудъ могъ получиться опьяняющій напитокъ, а что этотъ напитокъ былъ древнѣйшимъ, доказывается тѣсной связью способа его приготовленія съ первобытнымъ вегетаріанствомъ человѣка. Эти времена для насъ столь же (если не больше) отдалены, какъ и сами американскіе индѣйцы и людоѣды—папуасы, но слюна, какъ ферментъ, упоминается и въ финскихъ пѣсняхъ, которыя зародились въ нашемъ ближайшемъ сосѣдствѣ и такъ или иначе заставляютъ насъ предполагать жизненныя условія, аналогичныя тѣмъ же у индѣйцевъ и папуасовъ. Правда, Юліусъ Кронъ думаетъ, что финскій пѣсенный эпизодъ о варкѣ пива заимствованъ у скандинавовъ, но, хотя миѳъ о медѣ скальдовъ, можетъ быть, и отразился въ болѣе поздней стадіи финскаго пѣснопѣнія, въ основѣ этого эпизода лежитъ несомнѣнно самостоятельный опытъ. Не говоря уже о томъ, что въ скандинавскомъ миѳѣ медъ скальдовъ готовится вовсе не отъ слюны, но изъ крови убитаго Квасира, слюна—ферментъ у скандинавовъ могъ быть только отъ человѣка, судя по миѳу. Въ финскихъ пѣсняхъ же Осмотаръ, намѣреваясь варить пиво, въ видѣ бродила употребляетъ слюну свиньи (въ Ингерманландѣ и Саволаксѣ), медвѣдя (въ Кареліи) и дерущихся жеребцовъ (въ Архангельской губ.). Кронъ, желавшій доказать скандинавское происхожденіе, сближаетъ финскую свинью, на слюнѣ которой варятъ пиво, съ божественнымъ кабаномъ скандинавовъ и считаетъ медвѣдей (karhut вмѣсто karjut) и жеребцовъ (oriit вмѣсто oras—siat) позднѣйшими измѣненіями. Не предрѣшая этого вопроса, я указываю на возможность

---

[1]) Нейбауръ сравнилъ вкусъ и видъ кавы съ мыльной водой.

[2]) Статьи Миклухо-Маклая помѣщены въ Извѣстіяхъ Императорскаго русскаго географическаго общества т. X и т. XVI и въ Naturkundig Tijdschrift 1875 г., отдѣльно—Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea. Ср. также *Finsch*, Samoafahrten. 1888 г.

другого рѣшенія: слюна—ферментъ могла быть не только захожимъ пѣсеннымъ мотивомъ, но воспоминаніемъ древняго обычая, при чемъ животное, отъ котораго добывалась слюна, могло мѣняться. Важно было только одно—и пѣсня отмѣчаетъ это,—чтобы слюнотеченіе даннаго животнаго было особенно интенсивно, поэтому упоминается о дракѣ жеребцовъ, а иногда и о присутствіи кобылы. Но такая постановка вопроса выдвигаетъ болѣе широкое предположеніе о древнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ финно-угорскихъ народовъ, для освѣщенія котораго я теперь не обладаю никакими матеріалами [1]).

IV.

Возвратимся теперь къ вопросу, какой напитокъ должно считать первоначальнымъ средствомъ опьянѣнія у арійскаго племени. Если въ первой главѣ выяснилось, что пиво предшествовало какъ виноградному вину, такъ и водкѣ, коньяку и ликерамъ, то теперь попытаюсь доказать, что арійцы отнюдь не представляютъ исключенія изъ общечеловѣческаго обычая готовить алкогольный напитокъ, жуя какія-нибудь растенія и выплевывая разжеванные комки въ одинъ общій сосудъ. На это указываетъ, во-первыхъ, древне-сѣверный миѳъ о Квасирѣ.

Снорри передаетъ его такъ: „боги заключили миръ съ тѣмъ народомъ, который назывался vanir; для этого они устроили особую сходку и закрѣпили миръ такимъ способомъ, что они съ обѣихъ сторонъ подходили къ сосуду и плевали свою слюну туда; но при разставаніи боги не захотѣли, чтобы этотъ видимый знакъ мира пропалъ, и поэтому создали отсюда человѣка по имени Kvásir. Онъ былъ такъ мудръ, что никто не могъ предложить ему такого вопроса, на который онъ не зналъ отвѣта. Онъ много путешествовалъ по міру, чтобы знакомиться съ мудростью людей. Когда же онъ прибылъ къ мѣстожительству какихъ-то дверговъ Фьяларъ и Галаръ, то они пригласили его на бесѣду и убили его; кровь его они собрали въ два сосуда, называемыхъ Són и Boðn, и въ котелъ O'ðroerir. Они примѣшали медъ къ этой крови, и такимъ образомъ получился медовый напитокъ, дѣлающій того, кто пьетъ его, скальдомъ и знатокомъ преданій. Богамъ-асамъ дверги сказали, что Квасиръ задохся отъ мудрости, потому что никто не былъ такъ уменъ, чтобы испытать его мудрость... Съ тѣхъ поръ искусство скальдовъ называется кровью Квасира и

---

[1]) *Julius Krohn*, Finska literaturens historia, стр. 322 сл.

напиткомъ или надѣломъ дверговъ и чѣмъ-то въ родѣ моря O'đroerir, Són и Bođn" [1]).

Попробуемъ сперва разложить этотъ разсказъ на составныя части. Отчего въ одномъ случаѣ котелъ—ketil, а въ другомъ сосуды—keri? Если бы одинъ и тотъ же авторъ выдумалъ всѣ три вещи, онъ никогда не сталъ бы дѣлить ихъ на одинъ котелъ и два сосуда и кромѣ того образовалъ бы названія по одному принципу, или по свойству и цѣли напитка или же по дѣйствіямъ, связаннымъ съ нимъ. Въ то время, какъ O'đroerir составлено изъ ódr=умъ и hroera=трогать, возбуждать и, очевидно, значитъ „возбудитель ума", Són образовано отъ sjóđa=варить и Bođn отъ bjóđa=приглашать. Словомъ, какъ названія, такъ и качество сосудовъ указываютъ на компиляцію: O'đroerir принадлежалъ другому миѳу, чѣмъ Són и Bođn. Несомнѣнно и то, что два сосуда вмѣсто одного понадобились какъ параллель къ двумъ двергамъ, но откуда эти два дверга и почему ихъ два? Я думаю, что авторъ разсказа позаимствовалъ ихъ изъ какого-нибудь перечня дверговъ—dvergatal. Сохранившійся въ Волуспо перечень весьма въ этомъ отношеніи поучителенъ: во-первыхъ, имена дверговъ часто риѳмуютъ, какъ Skirfir и Virfir, Finnr и Ginnar, Dori и Ori, во-вторыхъ, одинъ стихъ называютъ Fjalarr ok Trosti. На этомъ основаніи мы имѣемъ полное право предположить въ какомъ-нибудь другомъ, теперь затерянномъ перечнѣ стихъ: Fjalarr ok Galarr. Это предположеніе поддерживается еще слѣдующимъ соображеніемъ: Galarr образовано отъ gala=пѣть пѣтухомъ, а Fjalarr не только дверг, но и пѣтухъ; въ Волуспо [2]) упоминается

fagrraudr hani
sá er Fjalarr heitir.

Однако, отбросивъ дверговъ и сосуды, мы все еще не дошли до первоначальнаго миѳа; очевидно, мудрецъ Квасиръ явился только тогда, когда древнѣйшій напитокъ былъ уже забытъ, когда плеваніе въ одинъ общій сосудъ стало поэтическимъ мотивомъ безъ всякой реальной подкладки и когда уже никому въ голову не приходило, что образовавшійся изъ собранной слюны напитокъ можно пить. Выдѣливъ еще Квасира, мы остались при слѣдующемъ преданіи: асы заключаютъ миръ съ ванами и при этомъ совершаютъ обрядъ, плюя въ одинъ общій сосудъ. До тѣхъ поръ, пока аналогичный обрядъ заключенія

[1]) Снорова Эдда, гл. LVII.
[2]) Строфа 43.

мира не будетъ гдѣ-нибудь найденъ, я думаю, что самъ народъ, не понимавшій уже цѣли этого плаванія, выдумалъ такое объясненіе. Краткое же преданіе, ядро миѳа, сложилось изъ двухъ атомовъ: изъ факта примиренія асовъ съ ванами и способа приготовленія древнѣйшаго алкогольнаго напитка.

Кто же эти vanir? Снорри противопоставляетъ боговъ—guđin народу, именуемому vanir [1]). По его мнѣнію, только асы—боги, а ваны—народъ. Норенъ [2]) сопоставляетъ vanir съ лат. venenum, инд. vánam=вода и готск. wintrus=время дождей, и толкуетъ Seegötter—морскіе боги. Съ этимъ я не могу согласиться. Главный изъ этихъ „морскихъ" боговъ, Фрейръ, почитался преимущественно въ Упсалѣ, вдали отъ моря. Его имя означаетъ „господина" [3]) вообще. По характеристикѣ Инглингасаги онъ скорѣе богъ плодородія: ему шведы обязаны были миромъ—Fróđa friđr, и тогда по всей странѣ былъ хорошій урожай [4]). По Эддѣ же Фрейръ управляетъ дождемъ и солнцемъ и зависящимъ отъ нихъ плодородіемъ земли [5]). Njörđr, отецъ Фрейра, по вѣрованію шведовъ, также опредѣлялъ урожай и богатство людей [6]). Онъ же напоминаетъ намъ богиню Nerthus, которую Тацитъ толкуетъ какъ мать-земля—terra mater. Мнѣ кажется, что съ миѳологической точки зрѣнія было бы сильной натяжкой считать вановъ морскими богами. Не имѣемъ ли мы тутъ передъ собой интересный въ методологическомъ отношеніи фактъ: включеніе чужихъ боговъ (шведскихъ) въ сонмище своихъ собственныхъ (норвежскихъ)? Когда произошло это сліяніе, то образовалось два лагеря: боги—асы и боги—ваны. Vanir сперва было этническимъ названіемъ, отразившимся также въ наименованіи озера Венернъ—Vaenir [7]). Vanir—шведы въ болѣе узкомъ смыслѣ, въ частности жители на берегахъ озера Венернъ. Естественно, что Фрейръ и Ніордъ, включенные въ исландско-норвежскій олимпъ, назывались шведами—vanir, а потомъ когда этническое названіе было забыто, оно стало считаться болѣе спеціальнымъ обозначеніемъ боговъ.

Миѳъ о войнѣ асовъ съ ванами отражаетъ какую-то древнюю племенную вражду норвежцевъ со шведами, окончившуюся общимъ ми-

---

[1]) þat fólk, er vanir heita.

[2]) *Noreen*, Abriss der urgermanischen Lautlehre, стр. 50.

[3]) Сл. нѣмецкое Frau.

[4]) þat var ok ár um öll lönd, глава XII.

[5]) hann raeđr fyrir regni ok skini sólar ok þar međ ávexti jardar, глава XXIV.

[6]) Svíar trúđu því at Njörđr ređi fyrir ári ok fyrir fésaelu manna, глава XI.

[7]) *Noreen*, op. cit. стр. 53.

ромъ. Заключеніе этого мира обставили обрядомъ, настоящій смыслъ котораго былъ забытъ, но понять его можно въ связи съ американской чичей и напиткомъ кава—кэу на островахъ Тихаго океана. Первоначальное преданіе кончилось, вѣроятно, тѣмъ, что примиренные асы и ваны устроили пиршество, распивая приготовленный ими посредствомъ плеванія напитокъ. Ясно, что этотъ конецъ съ теченіемъ времени становился непонятнымъ. Кромѣ того, научились подслащивать горькій напитокъ медомъ. Наконецъ, произошла контаминація, рѣшившая участь нашего миѳа. Напитокъ боговъ былъ отожествленъ съ „даромъ Одина“ или его „находкой“.

Этотъ даръ, который Одинъ, богъ бури, приноситъ въ образѣ орла, для собиранія котораго асы ставятъ на дворъ кадку [1]),—дождь. Такъ было очень, очень давно. Потомъ Одинъ въ качествѣ психопомпа (къ этому привела его роль носителя бури) сталъ покровителемъ дружины и короля, ведущаго ее въ бой. Наряду съ пѣвцами þulir, связанными съ древнеязыческимъ родовымъ бытомъ, появлялись скальды, поэты новаго покроя, восхваляющіе конунга и воинственные подвиги. Пользуясь тѣми новыми сюжетами, которые викинги приносили съ собой изъ чужихъ краевъ, и разрозненными, своеобразно понятыми крохами христіанскаго ученія, эти скальды стали перестраивать и компилировать старинные, наивные, дѣйствительно народные миѳы, группируя мѣстныхъ и даже чужихъ боговъ, напримѣръ, вановъ, вокругъ Одина, котораго они должны были считать главнымъ богомъ вообще, своимъ покровителемъ въ частности. Тогда-то и „даромъ“ и „находкой“ Одина—feng Odins ok fund—не могъ уже больше считаться дождь, а такъ стала называться сама поэзія скальдовъ—skáldskapinn. Разъ выработали эту формулу, то представилась трудная, казалось бы, задача: согласовать „даръ Одина“ съ „напиткомъ асовъ и вановъ“. Посмотримъ, какъ компиляторъ рѣшилъ эту задачу.

Когда разсказъ о древнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ сталъ непонятнымъ, его подновили въ томъ смыслѣ, что пили не слюну, а кровь убитаго человѣка. Разсмотрѣвъ нѣсколько случаевъ, гдѣ пьютъ кровь, и какое значеніе придавалось этому обычаю, мы поймемъ, что „кровь Квасира“ не то, что могла, но прямо должна была стать „напиткомъ скальдовъ“. По Саксону [2]), Бьярки, убивъ медвѣдя, за-

---

[1]) En er aesir sá, hvar O'dinn flaug, þá settu þeir út í gardinn ker sín, Снорова Эдда, глава LVIII.

[2]) Ursum quippe eximiae magnitudinis obvium sibi inter dumeta factum jaculo confecit, comitemque suum Hjaltonem, quo viribus major evaderet, applicato ore

ставляетъ своего товарища Гьяльто пить, льющуюся изъ раны, кровь, чтобы стать сильнѣе. Думали тогда, что такой напитокъ можетъ увеличить силу. Въ другомъ мѣстѣ [1]) Саксонъ разсказываетъ, что Фолько, истощившійся отъ ранъ и пыла борьбы, собираетъ свою собственную кровь въ шлемъ и пьетъ ее. Обратимся къ пѣснямъ Эдды. Когда Сигурдъ убилъ Фафнира, то Регинъ вырѣзалъ его сердце и пилъ кровь изъ раны. Затѣмъ онъ ложится спать, прося Сигурда тѣмъ временемъ изжарить сердце. Но Сигурдъ сжарилъ сердце и самъ отвѣдалъ его. Какъ только кровь сердца попала ему на языкъ, онъ сразу сталъ понимать разговоръ птицъ. Послѣ этого Сигурдъ убилъ и Регина, съѣлъ до конца сердце Фафнира и запивалъ кровью Регина и Фафнира [2]). Чтобы понять этотъ эпизодъ, нужно имѣть въ виду, что Фафниру приписывалась исключительная мудрость. На это указываетъ двукратное обращеніе Сигурда къ Фарниру со словами:

Segđu mér þat, Fáfnir!
ales þik tróđan Kveđa
ok vel mart vita [3]).

Теперь мы понимаемъ, почему нѣсколько разъ подчеркивается мудрость Квасира и его освѣдомленность на счетъ преданій. Кто пьетъ его кровь, самъ становится знающимъ скальдомъ, такъ же, какъ Сигурдъ пьетъ кровь мудраго Фафнира или Гьяльто—сильнаго медвѣдя. Миѳъ о Квасирѣ нуждается теперь только въ одномъ дополненіи. Являлся вопросъ, кто же собственно убилъ его. Понятно, двергъ какой-нибудь, отличительныя черты котораго были хитрость и коварство. Почему ихъ было два и какъ съ ними связаны два сосуда, я уже выяснялъ.

Изслѣдуя Эдду Снорри, необходимо, кажется мнѣ, обратить особое вниманіе на обороты скальдовъ—Kenningar, для объясненія которыхъ Снорри вѣдь и предпринялъ свой трудъ, и которыя поэтому въ большинствѣ случаевъ древнѣе прозаической Эдды. Такіе обороты, какъ

---

egestum belluae cruore haurire jussit. Creditum namque erat, hoc potionis genere corporei roboris incrementa praestari.—Saxonis Historia Danica, ed. Müller, lib. II, стр. 87.

[1]) Cumque Folco vulneribus ac labore hebetatus, sed et aestu et labore pariter sitique perfusus, fugam insequi destitisset hostilem, recreandi corporis gratiam proprium casside cruorem excepit hauriendumque ori praebuit.—Ibidem, lib. IV, стр. 164—5.

[2]) *Fáfnismál*, отъ прозы послѣ строфы 26 до 40.

[3]) *Fáfnismál*, строфы 12 и 14.

„находка“ и „даръ“ Одина, первоначально указывали на дождь, оборотъ „напитокъ асовъ“— drykk ásanna на питье, приготовленное при заключеніи мира. Если же обороты „кровь Квасира“ и „питье“ или „надѣлъ дверговъ“ несомнѣнно болѣе поздняго образованія, то опять „медъ Суттунга“ и „море Hnítbjarga“ относятся къ совершенно другому миѳу. Когда Снорри (и я думаю, что никто иной такъ не стремился къ соединенію миѳовъ въ одинъ связный разсказъ, какъ онъ) компилировалъ миѳъ о Суттунгѣ съ миѳомъ о Квасирѣ, ему пришлось прибавить, что дверги примѣшали медъ къ крови Квасира—blendu hunangi vid blóđit. Аналогичную операцію продѣлываетъ Гудруна, когда ради мести подаетъ Аттилѣ кровь и сердце его собственныхъ дѣтей: они тоже приправлены медомъ [1]). Сличая названія O'đroerir = „возбудитель ума“ и Suttungr = „отяжелѣвшій отъ питья“, мы убѣждаемся, что они придуманы однимъ и тѣмъ же авторомъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ „напитокъ асовъ“ перешелъ къ Суттунгу, Снорри сочинилъ параллель къ убійству Квасира—разсказъ объ убійствѣ Гиллинга, котораго сдѣлалъ отцомъ Суттунга. Отсюда вытекаетъ и то, что оборотъ „farkost dverga“ едва ли настоящій Kenningr. Чувствуя искусственность своей компиляціи, Снорри заставляетъ Эгира говорить: Темны мнѣ кажутся такія описательныя выраженія для поэзіи скальдовъ [2]). Въ болѣе чистомъ видѣ, безъ выдумокъ Снорри, миѳъ о Суттунгѣ передается въ Hávamál [3]). Нѣтъ даже упоминанія о томъ, что O'đroerir медъ скальдовъ, это просто драгоцѣнный напитокъ—drykk ins dýra mjađar. Почему Одинъ непремѣнно хочетъ овладѣть этимъ напиткомъ, такъ и не объясняется. Но Снорри отожествилъ его съ медомъ скальдовъ и допустилъ маленькую неточность: у него O'đroerir не медъ, а котелъ.

Миѳъ о Суттунгѣ примыкаетъ къ сказочному мотиву о живой водѣ. Старшій сынъ больного короля, отправившись за живой водой, попадаетъ въ ущелье; чѣмъ дальше онъ ѣдетъ, тѣмъ ближе сходятся горы, и наконецъ, дорога уже такъ узка, что онъ не можетъ ни двигаться впередъ, ни повернуть лошадь, ни сойти съ коня. Это Hnítbjargir, отъ hníta—„сталкиваться“. Такъ же застреваетъ и второй братъ. Только третій, при содѣйствіи дверга, попадаетъ въ заколдованный замокъ, гдѣ живетъ плѣнная красавица. Сперва происходитъ эротическая игра, а потомъ дѣвица открываетъ царевичу колодезь

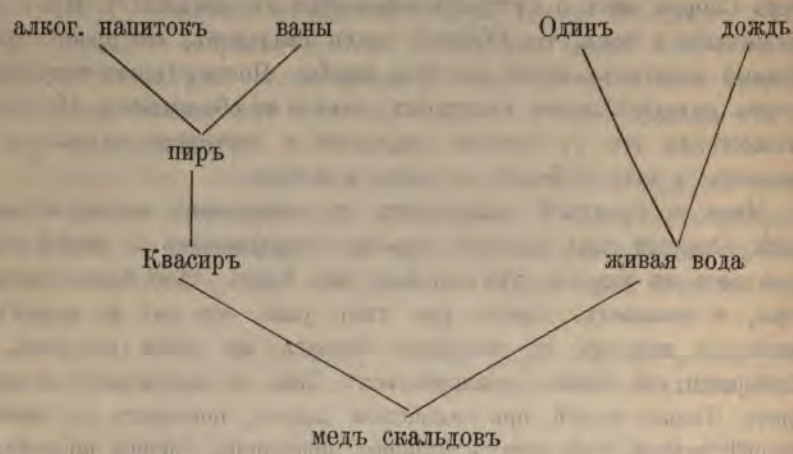
[1]) *Atlakvıđa*, строфа 37.

[2]) Myrkt þykki mér þat maelt, at kalla skáldskap med þessum heitum.

[3]) Строфы 103—9.

съ живой водой [1]). Отбросивъ тригеминацію какъ спеціальный сказочный пріемъ, мы не можемъ сомнѣваться въ тожественности мотивовъ,—mutatis mutandis. Царевичъ, добывающій воду,—самъ Одинъ. Плѣненная красавица — Gunnlǫđ, валькирія, „призывающая къ бою“, отъ gunnr = бой и lađa = приглашать. За O'đroerir, по мнѣнію Сиверса, могло стоять O'hrorir = „не старящій“. Suttungr, понятое какъ Suptúngr, могло восходить къ Svihtúngr = бушующій [2]). Впрочемъ, ближе къ сказкѣ дверг Фьяларъ [3]), но генеалогія потребовала великана — inn aldna jotunn [4]). Когда „сталкивающіяся горы“ потеряли свой первоначальный смыслъ и сдѣлались собственнымъ именемъ, тогда придумывается новая черта: крыса грызетъ отверстіе въ горѣ, черезъ которое проникаетъ Одинъ, превратившись въ змѣю. Снорри же придумалъ раціональное объясненіе: nafar þann er Rati heitir. Въ Hávamál Одинъ говоритъ о какой-то клятвѣ, которую онъ нарушилъ, такъ что никто ему уже вѣрить не будетъ. Не объясняетъ ли сказка характеръ этой клятвы: царевичъ долженъ возвратиться черезъ годъ и жениться.

Не разсмотрѣннымъ остался еще разсказъ о Baugi, братѣ Суттунга, и его работникахъ, но всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что онъ приплетенъ ни къ селу, ни къ городу. Результатъ моего разбора я позволю себѣ изобразить слѣдующей діаграммой:



[1]) *Grimm*, Kinder- und Hausmärchen, № 97 „Das Wasser des Lebens“.
[2]) *Elard Meyer*, Handbuch der Mythologie, стр. 152—3.
[3]) *Hávamàl*, строфа 14.
[4]) *Hávamàl*, строфа 104.

Чтб же однако означаетъ Квасиръ? Гриммъ (Myth. 266) связывалъ корень этого слова съ русскимъ „квасъ“, Веселовскій съ „квасить, заквашивать“ [1]). Изъ древне-сѣвернаго языка до сихъ поръ не представлено ни одного болѣе или менѣе удовлетворительнаго объясненія. Но, можетъ быть, въ современныхъ родственныхъ языкахъ имѣются слѣды затерявшагося корня, случайно не сохранившагося въ литературномъ древне-сѣверномъ языкѣ, который совершенно не представленъ древне-шведскимъ. Послѣдній діалектъ имѣлъ бы тѣмъ бо́льшее значеніе въ вопросѣ о Квасирѣ, что въ этотъ миѳъ, какъ мы пытались доказать, несомнѣнно вошли шведскіе мотивы. И вотъ въ шведскомъ языкѣ мы и находимъ глаголъ quäsa = пришибить, помять, ранить, придавить, ошеломить, betäuben [2]). Этому слову соотвѣтствуетъ датское kvase=кушать [3]). Производство отъ французскаго quasser=casser я считаю мало вѣроятнымъ; болѣе правдоподобнымъ является тогда уже сопоставленіе съ нѣмецкимъ quetschen отъ болѣе древнихъ формъ quetzen—quetsen—quessen. И по значенію сюда принадлежитъ діалектическое выраженіе quese = чудачество, verrückter Einfall и quesenkopf = чудакъ [4]). Любопытное сближеніе находимъ также въ финляндско-нюландскомъ діалектѣ: Kväison=lonicera xylosteum; Kväisonblómo = lythrum salicaria; Kväisonrís = Kvesved = solanum dulcamara. Кромѣ того, Kväison имѣетъ еще побочныя значенія, такъ что нюландецъ прямо признается: he finns níi slaks Kväison! [5]). Хотя приведенныя параллели и не позволяютъ намъ придти къ опредѣленному заключенію, но все же, если онѣ пріемлемы, явствуетъ, что имя Квасира врядъ ли придумано ad hoc и такъ или иначе должно быть связано съ самимъ алкогольнымъ напиткомъ.

Кромѣ миѳа о Квасирѣ древне-сѣверная литература сохранила намъ еще разсказъ, поразительно сходный въ подробности о роли слюны съ финскимъ пѣсеннымъ мотивомъ и все же не дозволяющій предположить какую-нибудь между ними связь. Saga af Hálfi ok Hálfsrekkum начинается со слѣдующаго эпизода: король Ольрекъ, будучи уже женатъ на Сигни, вздумалъ взять къ себѣ еще красавицу

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, т. CCCXXIII, стр. 18.

[2]) *Frese*, Schwedisch-deutsches Wörterbuch. 1842 г.; Svenskt-ryskt lexikon. 1847 г.

[3]) *Jessen*, Dansk etymologisk Ordbog. 1892 г.

[4]) *Paul*, Deutsches Wörterbuch.

[5]) *Nyland*, т. I, стр. 125.

Гейргильду за красоту. Но такъ какъ обѣ жены постоянно ссорились, то король рѣшилъ оставить при себѣ ту, которая сваритъ ему лучшее пиво. Сигни обратилась за помощью къ Фрейю, а Гейргильда къ Одину; послѣдній явился къ ней инкогнито, подъ названіемъ Шляпы=Hött и въ *качествѣ бродила положилъ свою слюну* [1]), а пиво оказалось превосходнымъ.—Такимъ образомъ, сага досказываетъ то, что стало неяснымъ въ миѳѣ о Квасирѣ.

Важнымъ свидѣтельствомъ о древнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ арійцевъ служитъ индійское сома [2]). Прежде всего сома напитокъ, и напитокъ опьяняющій. Можетъ быть, названіе его слѣдуетъ производить отъ корня su=возбуждать; сл. греческое σεύω и σείω [3]). Въ миѳахъ постоянно напивается имъ Индра. Индра бьетъ чудовищъ, одолѣваетъ змѣя и тѣмъ освобождаетъ дождь, онъ управляетъ солнцемъ и зарей, но все это онъ дѣлаетъ только, напившись сома. Иногда всѣ эти подвиги приписываются не Индрѣ, а прямо сома. Въ 17 гимнѣ VIII книги взываютъ къ Индрѣ: „Снизойди къ намъ, приготовившимъ тебѣ напитокъ и восхваляющимъ тебя! Пей сокъ растительный, лакомка! Я вливаю медъ въ твое брюхо, да подкрѣпитъ онъ всѣ твои члены, лови, лови его языкомъ! Да будетъ пріятно тебѣ угощеніе, да будетъ сладостно тѣлу твоему и любо твоему сердцу"! Въ 43 гимнѣ X книги мы встрѣчаемся съ оборотами, которые сдѣлали бы честь современному поэту декаденту: „Глотки веселаго опьяненія собираются въ Индрѣ подобно тому, какъ птицы слетаются на дерево съ густой листвой; весь ихъ рой, сильно блестящій въ даль, создаютъ людямъ солнце, свѣтъ арійцамъ... Какъ потоки стремятся къ морю, а ручейки къ озеру, такъ сома стекается къ Индрѣ: священникъ въ домѣ увеличиваетъ его силу, подобно тому, какъ хлѣбъ выростаетъ подъ небеснымъ дождемъ"...

Итакъ сома напитокъ культовой, и поэтому оно въ жертвенныхъ пѣсняхъ играетъ такую же роль, какъ и пламя—agni. Въ 48 гимнѣ VIII книги поется: „Будемъ-те чествовать жертвой сома, которое мы только что пили, и которое, само безсмертное, теперь пребываетъ въ насъ, смертныхъ". Тамъ же: „Мы пили сома, мы стали безсмертными", 68 гимнъ той же книги говоритъ и о томъ, что сома избавляетъ отъ земныхъ недуговъ: „оно одѣваетъ нагого, лечитъ больного, слѣпой

---

[1]) Hann lagđi fyri dregg hraka sinn. Fornaldarsögur norđlanda, т. II, стр. 26.

[2]) *Kuhn*, Mythologische Studien. 1886 г.; *Grassmann*, Rigveda. 1877 г.; *Regnaud*, Le Rig-Véda. 1900 г.; *Vodskov*, Sjaeledyrkelse og Naturdyrkelse. 1897 г.

[3]) *Regnaud*, op. cit., стр. 9.

становится зрячимъ, хромой начинаетъ ходить". — Я однако не могу согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые полагаютъ, что браманы ввели или, по крайней мѣрѣ, развили культъ сома съ цѣлью популяризировать жертву вообще, подлаживаясь подъ низкій порокъ человѣка—подъ пьянство. Моя точка зрѣнія противоположная: древнѣйшій алкогольный напитокъ употребляется только для религіозныхъ цѣлей; человѣкъ пользовался имъ въ старину для приведенія себя въ состояніе экстаза, какъ инородцы Сибири пользуются мухоморомъ; а потомъ уже въ видѣ профанаціи развивается безпринципное пьянство.

Займемся теперь самимъ напиткомъ сома, изъ чего и какъ оно приготовляется. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сома растительный сокъ. Вообще сома называется „властителемъ растеній" или „царемъ растеній". Въ различныхъ мѣстахъ для сома берутся и разныя растенія. 80 гимнъ VIII книги начинается такъ: „Дѣвушка шла за водой, по дорогѣ она увидала сома; „тебя я приготовлю для Индры", сказала она и унесла домой". Отсюда видно, что растеніе сома росло въ дикомъ видѣ и считалось не особенной рѣдкостью, разъ можно было найти его, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ дома. Такъ было, вѣроятно, въ чисто народномъ культѣ сома. Священники же внесли извѣстную норму, приготовляя сома преимущественно изъ плодовъ ficus indica, а тамъ, гдѣ его нѣтъ, изъ asclepias acida [1]).—Самый способъ приготовленія намъ хорошо извѣстенъ, такъ какъ онъ входилъ въ ритуалъ жертвъ и постоянно описывается въ гимнахъ, иногда дословно, но чаще всего иносказательно. Растеніе тискалось между камнями, чтобы вытекъ сокъ, потомъ процѣживали сокъ черезъ шерстяное сито въ сосудъ и смѣшивали его съ молокомъ или съ водой.

Эти довольно простыя ритуальныя дѣйствія отразились въ гимнахъ самыми смѣлыми образами. Молоко вызываетъ образъ коровы, сома становится быкомъ, плескъ смѣшиваемыхъ жидкостей эротическимъ мычаніемъ. Жертва готовится къ восходу солнца, слѣдовательно, сома приноситъ свѣтъ, вызываетъ солнце; оно и само золотисто, какъ солнце, украшается лучами солнца, всходитъ на колесницу солнца, и, наконецъ, образуется формула: сома — солнце [2])! Желаніе, чтобы растенія оказались сочными, чтобы сокъ стекался обильнѣе и быстрѣе, вызывало другіе образы: сома уподобляется коню, соколу, потоку,

---

[1]) *Kuhn*, op. cit., стр. 171—3.
[2]) *Vodskov*, op. cit., стр. 240—3.

которымъ предстоитъ тысяча путей — сито [1]). Сома, льющееся съ плескомъ черезъ сито, не только мычитъ какъ быкъ, ржетъ какъ конь, шумитъ какъ рѣка, реветъ какъ левъ, поетъ какъ священникъ или влюбленный, но также гудитъ какъ громъ; отсюда шагъ, и сома было надѣляемо способностью вызывать дождь. „Когда сома течетъ въ сосудъ, подобно накрапливающему дождю, тогда молніи сверкаютъ по небу". Сома расторгаетъ небесныя горы, открываетъ хлѣвъ и выпускаетъ коровъ—облака, властвуетъ надъ морями и рѣками [2]). Изъ шерстянаго сита дѣлаютъ овецъ, подставляющихъ спину подъ капающееся сома. Если же сито — небо, то сосудъ — земля [3]). Пальцы, готовящіе сома, десять стройныхъ дѣвушекъ, вышедшихъ изъ общаго дома; онѣ одѣваютъ и украшаютъ сома [4]). Сома — душа жертвоприношенія, голова и свѣтъ и знамя жертвы, то дерево, въ вѣтвяхъ котораго постоянно шелестятъ молитвы, однимъ словомъ, сома—жрецъ. Мало того, сома — высшій жрецъ, rishi. Сома не только само мудро, но и надѣляетъ мудростью, будитъ мысль, ввергаетъ въ экстазъ, рождаетъ пѣніе, творитъ молитву. Сома—пища боговъ, даритъ богамъ безсмертіе и такимъ образомъ становится создателемъ и отцомъ боговъ. Сома само—богъ [5]).

Не всѣ миѳологіи сохранили намъ развитіе образовъ въ такой полнотѣ, какъ индійская; обыкновенно забываются переходныя звенья, какъ менѣе яркія картины, а запоминается послѣдній выводъ, поражающій своей смѣлостью, своей опредѣленностью. Для современнаго ученаго этотъ выводъ можетъ казаться скачкомъ мысли, пустой фантазіей, лишенной всякой реальной подкладки, и еще чаще онъ вводитъ его въ заблужденіе. Даже сома, сущность котораго такъ ясна, благодаря обилію сохранившихся о немъ гимновъ, подверглось одностороннему толкованію. Bergaigne видитъ въ немъ только отраженіе солнечнаго бога, Hildebrand только бога луны. Познакомившись съ общей психологіей культового пьянства, мы вмѣстѣ съ тѣмъ нашли и путь, по которому сома = растеніе = напитокъ подошло къ образу божества. Правда, въ Индіи нѣтъ указанія на то, чтобы сома разжевывалось: но вѣдь и американская чича въ городахъ уже толчется, а въ Юкатанѣ растирается между двумя камнями. Кромѣ того, въ

---

[1]) Ibid., стр. 246.
[2]) Ibid., стр. 248—50.
[3]) Ibid., стр. 251.
[4]) Ibid., стр. 252.
[5]) Ibid., стр. 258.

Ведахъ много неразгаданныхъ, трудно переводимыхъ и, можетъ быть, неправильно переведенныхъ мѣстъ, — ихъ-то придется пересмотрѣть съ точки зрѣнія, выдвигаемой этнографическими данными. Уже Кунъ искалъ родства между Квасиромъ и сома, но останавливался на позднѣйшихъ наростахъ этихъ миѳовъ.

Для всесторонняго изученія сома слѣдуетъ привлечь еще другой арійскій источникъ — гимны Авеста. Среди нихъ имѣется цѣлый отдѣлъ — Jasna, относящійся къ ритуалу жертвы haoma. Не только это названіе тожественно съ индійскимъ сома, но и вся жертва haoma въ сущности только повтореніе индійской жертвы. Словомъ, haoma также опьяняющій напитокъ, приготовляемый изъ сока растеній для культовыхъ цѣлей. Девятый гимнъ Jasna изображаетъ бесѣду Заратустры съ олицетвореніемъ haoma: „Однажды на зарѣ Haoma пришелъ къ Заратустрѣ, который разводилъ священный огонь, причитывая свои стихи—gâthâs. Послѣдній спросилъ: „Кто ты, красавецъ, подобія котораго я не видалъ въ теченіе всей своей жизни“? И тотъ отвѣтилъ: „Я—Haoma, избавляющій отъ смерти! Поэтому собирай меня, выжимай изъ меня сокъ для напитка, слагай пѣсни въ мою честь, какъ это дѣлали пророки испоконъ вѣковъ“... Далѣе слѣдуютъ вопросы Заратустры, кто первый, второй, третій и четвертый приготовлялъ haoma, и соотвѣтствующіе отвѣты, изъ которыхъ мы видимъ, что его открытіе приписывалось богамъ [1]).

Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ о древнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ, я усматриваю косвенное доказательство въ той благотворной и предохраняющей отъ злыхъ напастей силѣ, которая приписывается не только у индоевропейцевъ, но и по всему земному шару обычаямъ плеванія, жеванія, дуновенія и слюнѣ вообще.

V.

Когда приготовленіе алкогольныхъ напитковъ уже перешло въ руки современной промышленности, когда жеваніе и выплевываніе въ одинъ общій сосудъ давно было забыто, все же вплоть до настоящаго времени сохранилась вѣра въ спасательную силу слюны, которую человѣкъ не безъ основанія считалъ главнымъ моментомъ въ добываніи опьяняющаго средства. Слюну берегли и цѣнили, ей приписывалось хорошее дѣйствіе на организмъ. Когда низверженный дагомейскій царь Behanzin явился въ Парижъ, то между прочими чудачествами разска-

---

[1]) *Horn*, Geschichte der persischen Litteratur. 1901 г., стр. 20—3.

зывали, что жены его были снабжены плевательницами и съ поразительной ловкостью почтительно ловили его слюну, летѣвшую красивой дугой изъ устъ царя [1]). Къ чему же служила слюна?

а) *Слюна оплодотворяетъ.*

По преданію древнихъ египтянъ голова Hunhun-Ahpu оплодотворила дѣвицу своей слюной. Въ пирамидѣ Пепи II такая надпись: „Ты великій сынъ Tm, рожденный отъ слюны, которую онъ выплюнулъ изъ своего рта“ [2]). Къ Томсону, путешествовавшему по Африкѣ, приходили туземцы съ требованіемъ, чтобы онъ оплевалъ ихъ женъ, такъ какъ это помогаетъ противъ безплодія. Женщины выстроились въ рядъ и медленно стали двигаться мимо него, а Томсонъ при помощи стакана воды плевался направо и налѣво. Незамужнія женщины просили, чтобы онъ плевалъ имъ на носикъ. Ему привозили скотъ и ословъ, и за каждый подарокъ онъ по принятому церемоніалу обязанъ былъ оплевать жену или дочь благодѣтеля. Одна молодая женщина, приведенная старымъ мужемъ для оплеванія, сказала, что у ней послѣ этого будетъ „бѣлый“ ребенокъ, но у ней, вѣроятно, были свои причины [3]). Слѣды такого же повѣрія попадаются и въ Европѣ. У цыганъ безплодная женщина должна пить воду, въ которую плевалъ мужъ, приговаривая: я — пламя, ты — уголь; я — дождь, ты — вода [4]). Въ Босніи существуетъ другой обычай: безплодная женщина черезъ заборъ беретъ изо рта беременной въ свой собственный ротъ кусокъ кислаго хлѣба и съѣдаетъ его [5]). По суевѣрію мазуровъ въ западной Пруссіи, вода, стекающая у жеребца изо рта, когда онъ пьетъ, помогаетъ противъ безплодія женщинъ [6]). Сюда же относится и финская пѣснь о созданіи змѣи, помѣщенной въ Калевала:

Syöjätär плевала въ воду
И слюну пускала въ волны,
Укачалъ слюну ту вѣтеръ,
Убаюкало теченье;
Шесть годовъ она качалась,
Всѣхъ семь лѣтъ она носилась

---

[1]) Парижскія газеты 1905 г.
[2]) *Stucken*, Astralmythen der Hebräer, Babylonier und Aegypter, стр. 65—6.
[3]) *Thomson*, Durch Massailand. 1885 г., стр. 254, 258, 328 и 339.
[4]) *Ploss*, Das Weib, изданіе седьмое. 1902 г., т. I, стр. 694.
[5]) Ibid., стр. 689.
[6]) Ibid., стр. 695.

На хребтѣ блестящемъ моря,
На вздымающихся волнахъ.
Тамъ вода слюну тянула,
Ей давало гибкость солнце,
И потомъ прибой отбросилъ,
Волны къ берегу погнали.
Вотъ три дочери творенья
Вышли къ берегу морскому,
Къ краю шумнаго теченья,
И слюну тамъ увидали;
Такъ онѣ сказали слово:
„Изъ слюны что можетъ выйти,
Если ей творецъ дастъ душу,
И глаза онъ ей даруетъ?“
Услыхалъ творецъ тѣ рѣчи,
Говоритъ слова такія:
„Только дрянь изъ дряни выйдетъ,
Изъ дурныхъ отбросовъ злое,
Если я вложу въ нихъ душу;
Если имъ глаза дарую“.
Услыхалъ ту рѣчь Hiisi,
Онъ готовъ къ дурному дѣлу;
Приступилъ онъ самъ къ созданью,
Даровалъ слюнѣ онъ душу,
Той, что Syojätär бросала,
Что выплевывала злая.
Изъ слюны змѣя явилась,
Вышла черная ехидна [1]).

б) *Слюна—лечебное средство.*

Не только древніе римляне, но и современные итальянцы вѣрятъ въ цѣлебную силу слюны—въ особенности при болѣзни глазъ [2]). Въ Германіи мать смазываетъ воспаленные глаза своего ребенка слюной [3]). Среди чудесъ Іисуса находится подобное же леченіе слѣпорожденнаго: Іисусъ плюетъ на землю, смѣшиваетъ слюну съ землею и полученной мазью смазываетъ глаза больного [4]). Это смѣшеніе слюны съ землею наблюдалъ и современный путешественникъ Бартъ: народъ Фулахъ, живущій въ средней Африкѣ, просилъ его плюнуть на подносимую ему горсть песка. Такой препаратъ служилъ для цѣлебной цѣли [5]). По

[1]) *Калевала*, XXVI пѣснь, переводъ Бѣльскаго. 1888 г., стр. 346—7.
[2]) *Ploss*, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, изд. II, т. I, стр. 284.
[3]) Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, т. XVIII, стр. 25
[4]) Евангеліе Іоанна, глава IX.
[5]) *Lippert*. Die Religionen der europäischen Kulturvölker. 1881 г., стр. 48.

мекленбургскому повѣрью, лишаи проходятъ, если плюнуть на нихъ при убывающей лунѣ и потереть ихъ тупой стороной ножа [1]). Слюна, собранная у человѣка натощакъ, употреблялась въ средніе вѣка въ Германіи, какъ противоядіе при укушеніи змѣи [2]). Въ Финляндіи опухоли уничтожаются слѣдующимъ образомъ: изъ горячей бани берутъ камень и три раза прижимаютъ имъ опухоль, плюя трижды каждый разъ; камень же нужно возвратить на старое мѣсто [3]). У киргизовъ шаманъ между прочимъ плюетъ больному въ глаза [4]). Въ Америкѣ ожоги вылѣчиваютъ слюной, приговаривая:

As far as the east is from the west,
Come out fire and go in frost,
In the name of the Father, Son and Holy Ghost,
Come out fire and go in frost.

Слѣдуетъ еще три раза дунуть и потереть больное мѣсто по направленію солнца—sun-wise [5]).

в) *Слюна—ядъ.*

У австралійцевъ слюна называется ядомъ [6]).

г) *Слюна—таинственная сила.*

Нѣкоторые люди плюютъ въ ладонь, чтобы запомнить что-нибудь. При физической работѣ, въ особенности когда требуется большое напряженіе силъ, плюютъ въ руки. Наши купцы, подавая начаи, плюютъ на деньги. Рыбакъ плюетъ на червяка, прежде чѣмъ закидывать удочку. При игрѣ съ собаками, бросая имъ кость или кусокъ дерева, всегда плюютъ. Въ Германіи, чтобы собака не сбѣжала, хозяинъ натощакъ плюетъ ей въ пасть [7]). Если дѣвушка въ Калабріи на предложеніе юноши стать его кумой согласна, отыскиваютъ кремень, плюютъ на него вдвоемъ, и юноша бросаетъ его прочь, куда глаза глядятъ. „Пусть наша дружба длится до тѣхъ поръ, пока будетъ найденъ этотъ ка-

---

[1]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 25.
[2]) Ibid., стр. 25.
[3]) *Nyland*, т. IV, стр. 129.
[4]) *Шашковъ*, Шаманство въ Сибири, стр. 99.
[5]) *Klöpper*, Folklore in England und Amerika (Neusprachliche Abhandlungen, т. VIII, стр. 57).
[6]) *Bastian*, Allerlei aus Volks- und Menschenkunde, т. I, стр. 227.
[7]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 25.

мень“ [1]). Въ Сициліи кумующіеся вырываютъ рѣсницу или волосъ и, омочивъ ихъ слюной, обмѣниваются ими, положивъ на черепокъ, который ломаютъ пополамъ, свято сохраняя каждый свою часть [2]). У цыганъ существуетъ слѣдующій обычай заколдовать возлюбленнаго: дѣвица вырываетъ изъ его головы нѣсколько волосъ и варитъ себѣ кашу изъ квитовыхъ зеренъ, къ которой примѣшиваетъ эти волоса и нѣсколько капель своей крови изъ лѣвой руки. Затѣмъ она жуетъ эту кашу, смотря на полнолуніе и трижды повторяя: „я жую твой волосъ, я жую твою кровь, изъ волоса и крови да выростетъ любовь, намъ на новую жизнь“! Послѣ этого стбитъ только смазать этой кашей часть одежды возлюбленнаго, и онъ всецѣло будетъ преданъ дѣвицѣ, совершившей колдованіе [3]). У африканскаго народа массай водится такой обычай: когда женщина зачала, мужъ готовитъ особый напитокъ изъ меда и приглашаетъ родоначальниковъ. Мужъ и жена садятся, гости, хлебнувъ меда, выплевываютъ его на родителей. Послѣ молитвы за будущаго ребенка, распиваютъ медъ [4]).

У деревенской молодежи въ Финляндіи распространена игра въ Kolabysso—уголь-ружье: плюютъ на камень, кладутъ на то же мѣсто кусокъ угля и ударяютъ по нему палкой; раздается будто бы выстрѣлъ [5]). Прежде чѣмъ сѣять рожь, земледѣлецъ испытываетъ ея пригодность: плюнувъ въ ладонь, онъ смѣшиваетъ зерна со слюной и прислушивается, раздастся ли трескъ отъ распухающихъ зеренъ или нѣтъ [6]). Я самъ наблюдалъ такое суевѣріе: если гдѣ проползетъ змѣя и не удастся убить ее, то на это мѣсто кладутъ двѣ палочки накрестъ и плюютъ,—на слѣдующій день къ тому же времени туда возвратится змѣя. Оковы, которыми боги собираются связать чудовище Фенрира, между прочимъ готовятся изъ слюны птицы [7]). Пѣна, которая иногда собирается на ивахъ, считается либо слюной кукушки, либо слюной вѣдьмы—Kuckucksspeichel, Hexenspeichel, по англійски cuckowspit, по датски gyögespyt, по норвежски troldkjäringspye [8]). Въ одномъ варіантѣ извѣстной сказки Гензель и Гретель послѣдняя,

---

[1]) *Jaekel*, Studien zur vergleichenden Völkerkunde, стр. 78.

[2]) *Весселовскій*, Побратимство и кумовство въ купальской обрядности (*Журн. Мин. Нар. Просв.* т. 291, стр. 293).

[3]) *Ploss*, Das Weib. т. I, стр. 575.

[4]) Ibid., т. I, стр. 778.

[5]) *Nyland*, т IV, стр. 72.

[6]) Ibid., стр. 75.

[7]) *Gylfaginning*, глава XXXIV.

[8]) *Grimm*, Mythologie, т. II, стр. 568.

когда дѣти собираются бѣжать, плюетъ передъ очагомъ. Эта слюна впослѣдствіи начинаетъ говорить и задерживаетъ вѣдьму, пока дѣти бѣгутъ [1]). Какъ слюна изъ змѣиной пасти дѣйствуетъ чудотворно разсказывается въ былинѣ о Михаилѣ Потыкѣ, спасавшемъ Авдотью отъ змѣя (Рыбниковъ):

А Михайло Потыкъ Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ:
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И ссѣкаетъ ему голову
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло авдотьино мазати;
Въ та поры она, еретница,
Отъ смерти пробуждалася [2]).

Индѣйцы Сѣверной Америки всегда стараются уничтожить слѣды своей слюны, думая, что врагъ, нашедшій ее, могъ бы повредить имъ. Но вѣдь то же безсознательно творится и у насъ. Индѣйцы доходятъ до того, что плюютъ на свои плащи, чтобы только слюна ихъ не попала въ чужія руки [3]).

д) *Слюна предохраняетъ отъ несчастій.*

Отмѣтимъ сперва побочное значеніе глагола „плевать“ во многихъ языкахъ. Русскій мужикъ говоритъ „плевать“! при любой непріятности. Нѣмецъ также плюетъ на опасности—auf etwas spucken. Наконецъ, обычай отплевываться отъ чего-нибудь гадкаго, мерзкаго я считаю желаніемъ (теперь уже безсознательнымъ) застраховать себя отъ злой напасти. Простой народъ плюется также при встрѣчѣ съ старухой или священникомъ. Въ Швеціи при купаніи бросаютъ нѣсколько хлѣбныхъ крошекъ въ воду или плюютъ въ нее [4]). Въ Силезіи тоже плюютъ въ воду, когда купаютъ или поятъ лошадей, иначе у нихъ получатся желудочныя боли [5]). Въ Финляндіи простонародье думаетъ, что отъ лошадиной падали могутъ пристать накожныя болѣзни; замѣтивъ на дорогѣ лошадиную кость, плюютъ три раза, приговаривая: „противъ падали и чесотки“—för åsbäin o Kläda [6]). Проходя черезъ мѣсто, гдѣ

---

[1]) Ibid., т. III, стр. 275.
[2]) *Орестъ Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 394.
[3]) *Kane*, Wanderungen unter den Indianern Nordamerikas, стр. 101.
[4]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, 1900 г., стр. 200.
[5]) Ibid., 1901 г., стр. 201.
[6]) *Nyland*, т. IV, стр. 70.

валялась живая лошадь, тоже слѣдуетъ плюнуть, иначе заболятъ ноги [1]). У нѣмцевъ распространено повѣрье, что мывшіеся въ одномъ и томъ же умывальникѣ непремѣнно поссорятся; но стоитъ только плюнуть въ воду, и опасность миновала [2]). Когда пьешь воду въ чужомъ мѣстѣ, рекомендуется застраховать себя отъ послѣдствій путемъ плеванія [3]). Кто въ Америкѣ надѣлъ какую-нибудь часть туалета на лѣвую сторону, навлечетъ на себя большое несчастье, если исправитъ свою ошибку; но предварительно плюнувъ на этотъ предметъ, онъ избѣгнетъ послѣдствій [4]). Въ Мекленбургѣ сѣютъ по средамъ или четвергамъ, т. е. въ день Одина или Тора, молча, держа во рту столько зеренъ, столько угловъ имѣетъ поле. Кончивъ сѣять, на каждомъ углу выплевываютъ черезъ плечо по одному зерну и молча уходятъ домой. Это предохраняетъ поле отъ птицъ [5]). Народъ овампо, чтобы защитить себя отъ дурного глаза во время ѣды, набравъ полный ротъ воды, плюетъ чужимъ въ лицо [6]). Въ центральной Африкѣ существуютъ особыя суевѣрія о двойникахъ. Если двойникъ переправляется черезъ рѣку или озеро, онъ долженъ хлебнуть полный ротъ воды и брызнуть ею по поверхности, сказавъ: „я—двойникъ“! иначе быть несчастію [7]). Изъ наблюденій Миклухо-Маклая надъ папуасами приведемъ слѣдующее: когда онъ съ нѣкоторыми туземцами отправился въ сосѣднюю деревню, они по дорогѣ остановились, якобы для отдыха, одинъ изъ туземцевъ сорвалъ сучекъ и, прошептавъ заговоръ надъ сучкомъ, стáлъ плевать всѣмъ на спину и ударять сучкомъ, послѣ чего сучокъ былъ зарытъ въ землю; это дѣлалось для предотвращенія всѣхъ опасностей, могущихъ постигнуть ихъ въ чужой деревнѣ. Однажды Миклухо-Маклай подсмотрѣлъ, какъ туземецъ варилъ завтракъ—таро и бататы; онъ все время шепталъ что-то, наконецъ, плюнулъ по обѣ стороны и за спину бросилъ нѣсколько свареныхъ фруктовъ. Это дѣлалось также для обезпеченія отъ несчастій [8]).

---

[1]) *Nyland*, IV, стр. 70.

[2]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 159.

[3]) *Nyland*, IV, стр. 138.

[4]) *Klöpper*, op. cit., стр. 43.

[5]) *Jahn*, Die deutschen Opfergebräuche bei Ackerbau und Viehzucht. Germanistische Abhandlungen, т. III, стр. 71.

[6]) Zeitschrift für Volkerpsychologie, т. XVIII, стр. 150.

[7]) *Ploss*, Das Weib. т. I, стр. 728.

[8]) *Miklucho-Maclay*, Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea, выпускъ II, стр. 25.

е) *Плеваніе—ласка.*

Стенли разсказываетъ о Мтесѣ, королѣ Уганда, что онъ выражалъ свое благоволеніе тѣмъ, что плевалъ своимъ подданнымъ въ ладоши, а они растирали лицо и глаза этой слюной [1]). Когда другой путешественникъ Burton прощался съ населеніемъ Сомали, одинъ изъ стариковъ плюнулъ ему въ лицо. Когда миссіонеръ Ребманъ прощался съ королемъ Мамкинга народа джагга, живущаго у подножія Килиманджаро, король сказалъ: „ступай въ мирѣ!“ и плюнулъ ему въ лицо. Въ Сенегалѣ народъ встрѣчаетъ новолуніе, протягивая ему руку, покрытую слюной [2]). Негритянки плюютъ своимъ дѣтямъ въ лицо [3]). Котовъ, ходившій въ Персію въ первой четверти XVII в., разсказываетъ, какъ тамъ справляли праздникъ байрамъ-ашуръ: „возятъ на ишакѣ паряднаго мужика здѣланъ мѣхомъ да набитъ соломою, и сагадакъ и стрѣлы здѣланы изъ лучины, и на головѣ колпакъ съ кистью, а со сторонъ поддерживаютъ, чтобы не упалъ, и ему ругаютца и плюютъ на него“... [4]).

ж) *Слюна—грѣшна.*

Разъ слюна обладала таинственной силой и употреблялась для колдовства и леченія, то въ другой обстановкѣ, гдѣ враждебно относились къ простонароднымъ повѣрьямъ, слюна могла считаться вредоносной и оскверняющей. Парсы никогда не тронутъ куска ѣды, упавшаго изо рта; какъ смоченный слюной, онъ считается нечистымъ, и вторично брать его въ ротъ никакъ нельзя [5]). По закону Ману, посуда, оскверненная кровью, слюной или алкогольнымъ напиткомъ (какое любопытное сопоставленіе), считается безусловно нечистой [6]).

Въ Силезіи записанъ такой взглядъ: плевать въ воду значитъ плевать въ лицо Божьей матери [7]). Во время рамазана коранъ запрещаетъ днемъ ѣсть, пить и глотать собственную слюну; такъ какъ чистка зубовъ вызываетъ сильное слюнотеченіе, то и это избѣгается [8]).

---

[1]) *Stanley*, Genom de svartes världsdel, т. I, стр. 198.

[2]) *Lippert*, op. cit., стр. 48.

[3]) *Ploss*, Das Kind, т. I, стр. 248.

[4]) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, т. XII, вып. I, стр. 110.

[5]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 359.

[6]) Ibid., стр. 155.

[7]) Ibid., 1901 г., стр. 201.

[8]) Ibid., т. XVIII, стр. 42.

Сюда относится также преданіе магометанъ, что табакъ выросъ изъ слюны Магомета.

з) *Плеваніе замѣнило болѣе древнее жеваніе.*

У малайцевъ на островѣ Роти беременныя женщины, выходя въ темнотѣ изъ дому, жуютъ солому съ своей крыши и отъ времени до времени выплевываютъ ее, чтобы беречься отъ несчастій [1]). Въ Швеціи принято жевать молодой ростокъ рябины, находясь ночью подъ открытымъ небомъ, иначе можетъ найти столбнякъ [2]). Въ Австріи въ день крещенія цѣлуютъ яблони, набравъ полный ротъ пирога—Krapfen и приговаривая:

Bâm i, Bâm i
Buss di,
Wîr sâ voll
As wie mâ Maül!

Этотъ обычай засвидѣтельствованъ уже въ XIV в. У папуасовъ дождь пріостанавливается такъ: папуасъ беретъ въ ротъ корень li = Zingiber officinalis и, пришептывая, жуетъ его; разжевавъ, онъ часть этого корня вынулъ изо рта, свернулъ въ листъ и бросилъ въ огонь; затѣмъ онъ вышелъ, все пришептывая, и плюнулъ въ воздухъ во всѣ четыре стороны оставшіяся еще во рту части корня [4]). Это жеваніе для насъ очень важно, потому что оно какъ посредствующее звено указываетъ на то, что слюна пріобрѣла въ повѣрьяхъ свою чудодѣйственную силу только благодаря тѣмъ функціямъ, которыя приходились на ея счетъ въ приготовленіи алкогольныхъ напитковъ.

і) *Плеваніе замѣнялось дуновеніемъ.*

Обычай плеваться подвергся нѣкоторой реформѣ въ этомъ духѣ: когда считалось не совсѣмъ удобнымъ плеваться, то стали просто дуть. Противъ дурного дыханія ребенка отецъ натощакъ трижды дуетъ ему въ ротъ, по нѣмецкому обычаю [5]). Въ южной Германіи, раньше чѣмъ ѣсть чужой ложкой, трижды дуютъ на нее [6]). Въ Африкѣ

---

[1]) *Ploss*, Das Weib. т. I, 781.
[2]) *Kuhn*, Mythologische Studien, т. I, 176.
[3]) *Jahn*, op. cit., стр. 212.
[4]) *Miclucho-Maclay*, op. cit., вып. II, стр. 27.
[5]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 25.
[6]) Ibid., стр. 157.

жрецъ всегда дуетъ на новый ножъ, прежде чѣмъ рѣзать мясо [1]). У жителей Перу дуновеніе употребляется противъ колдовства [2]). Я помню отлично, какъ бабушка лечила меня отъ кори, дуя на обнаженное тѣло черезъ катушку.

Относительно хронологіи этихъ трехъ обычаевъ—жевать, плевать и дуть, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что жеваніе самый древній, а дуновеніе — новѣйшій. Перечислить же всѣ случаи, когда прибѣгали къ спасительной силѣ слюны, нѣтъ никакой возможности и надобности. Важно только знать, что человѣкъ при всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ (съ нашей точки зрѣнія) случаяхъ отплевывался (или отдувался) отъ несчастій, болѣзней и нечистыхъ силъ. И не всегда собиратель фольклора отмѣчалъ это плеваніе,—вѣдь плеваться могъ человѣкъ и отъ избытка слюны, и фольклористъ, не знавшій о такомъ повѣрьѣ, приписывалъ плеваніе естественной причинѣ.

Но что иногда ускользало отъ вниманія ученыхъ, то давно подмѣтила христіанская церковь, чутко слѣдившая за всѣми излюбленными обычаями языческой старины и безъ колебанія включавшая ихъ въ свою собственную обрядность, если они только не грубо противорѣчили общецерковнымъ порядкамъ, чтобы такимъ превращеніемъ языческихъ обрядовъ въ христіанскіе ускорить примиреніе народовъ съ новой вѣрой. Вестермаркъ недавно доказалъ, что обычай поститься гораздо древнѣе и распространеннѣе не только христіанской церкви, но монотеистической религіи вообще [3]). Такимъ образомъ также плеваніе и дуновеніе вошли въ обряды какъ римской, такъ и греческихъ церквей. Значеніе этихъ дѣйствій въ церкви совершенно сходно съ общенародными языческими обрядами. Такъ, при крещеніи читаются молитвы и творятся священнодѣйствія, „коими, главнымъ образомъ, отгоняется діаволъ“. Священникъ дуетъ трижды на лицо оглашеннаго, а при окончаніи заклинательныхъ молитвъ, опять совершаетъ дуновеніе. При крещеніи освящается вода и елей; это происходитъ такъ: священникъ „вдунетъ трижды въ сосудъ елеа и знаменаетъ трижды сей“ [4]). Римско-католическій священникъ, прежде чѣмъ крестить ребенка, беретъ слюну изъ своего рта на палецъ и дотрогивается до ушей ребенка, произнося: Epheta quod est adaperire. Затѣмъ онъ

---

[1]) Ibid., стр. 280.

[2]) *Ploss*, Das Kind, т. I, стр. 284.

[3]) The Principles of Fasting въ журналѣ Folk-lore, т. XVIII, стр. 391 сл.

[4]) *Никольскій*, Пособіе къ изученію устава богослуженія православной церкви, стр. 645 и 647.

дотрогивается до носа со словами: In odorem suavitatis. Tu autem effugare diabole, appropinquabit enim iudicium Dei. Можетъ быть, уже египетскіе священники прилаживались къ народнымъ обычаямъ; по крайней мѣрѣ читаемъ въ пирамидѣ Пепи II: „Слюна изо рта Hor'a и пѣна изо рта Set'a—ими очищается Horus“ [1]).

Занимаясь изслѣдованіемъ древнѣйшаго алкогольнаго напитка, я долженъ былъ связывать условія жизни той поры, когда человѣкъ, можно сказать, только что выдѣлился изъ среды остальныхъ антропоидовъ, съ обычаями, что творятся вокругъ насъ; приходилось связывать наше пиво съ культовымъ напиткомъ папуасовъ и краснокожихъ. Итакъ, ощущается связь человѣка съ человѣкомъ на всемъ протяженіи тысячелѣтняго развитія, на всемъ пространствѣ земного шара. У одного кожа свѣтлая — „бѣлая“, у другого темная, одинъ вкушаетъ душеспасительное вино въ соборѣ Петра, другой совершаетъ возліяніе при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, но чѣмъ дальше мы удаляемся въ глубь вѣковъ, тѣмъ болѣе исчезаютъ различія, тѣмъ ярче выступаютъ схожія черты, твердящія намъ простую истину, что всѣ люди, все человѣчество—одно органическое цѣлое, въ которомъ все связано между собою и ничто не пропадаетъ безслѣдно, а служитъ въ общую пользу или всѣмъ во вредъ.

---

[1]) *Stucken,* op. cit., стр. 66.

131

GT 2880 .T5
Kultovoe pianstvo i drevnieish
Stanford University Libraries
3 6105 041 723 714

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.